

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
(СОФ НИУ «БелГУ»)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**СМЫСЛ «ВОЗМОЖНОСТЬ», СИСТЕМА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
И СПОСОБОВ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061152
Мортиной Светланы Анатольевны

Научный руководитель
д.фил.н., профессор
Нагорный И.А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Модальное значение возможности и языковые средства его репрезентации в современном русском языке.....	7
§1. Статус значения возможности в структуре функционально- семантического поля модальности.....	7
§ 2. Смысл «Предположение» и возможность.....	12
§ 3. Смысл «Сомнение» и возможность.....	21
§ 4. Смысл «Вероятность» и возможность.....	25
§ 5. Функционально-семантическое поле возможности.....	30
5.1. Центральная зона функционально-семантического поля возможности.....	32
5.2. Ближняя периферия функционально-семантического поля возможности.....	34
5.3. Дальняя периферия функционально-семантического поля возможности.....	36
Глава II. Специфика функционирования средств и способов реализации смысла «возможность» в современном русском языке.....	42
§ 1. Языковые средства реализации смысла «возможность»	42
1.1. Лексико-грамматические средства и способы.....	42
1.2. Стилистическое своеобразие языковых средств реализации смысла «возможность» в методическом аспекте.....	68
Заключение.....	72
Список использованной литературы.....	75

ВВЕДЕНИЕ

Категория модальности уже несколько десятилетий остается объектом пристального внимания лингвистов, поскольку именно эта категория, являясь необходимым элементом любого предложения, функционирующего как высказывание, устанавливает связь языковых фактов с внеязыковой действительностью, а значит, относится к наиболее важным для функционирования языка семантическим категориям. На протяжении многих лет изучения этой категории в российском и зарубежном языкознании (П.Адамец, В.Г.Адмони, Т.Б.Алисова, А.В.Бондарко, С.С.Ваулина, В.В.Виноградов, В.Г.Гак, Т.И.Дешериева, А.В.Зеленщиков, Г.В.Колшанский, П.А.Лекант, Т.П. Ломтев, И.А.Нагорный, О.В.Трунова, Б.В.Хрычиков, Т.В.Шмелева и многие другие) накоплен богатый научный материал. Однако в силу необычайной сложности и многоаспектности данного языкового явления вопрос о лингвистическом статусе модальности сохраняет дискуссионный характер. «Видимо, нет такой категории, – отмечает В. П. Попова, – о природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько противоречивых мнений, как о категории модальности» [Попова 2000: 656].

Следует также отметить, что интерес к данной проблеме особенно возрос в последние десятилетия, когда «в языкознании прочно утвердился функциональный подход и отчетливо проявилось последовательное внимание к человеческому фактору как важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований» [Ваулина 2006: 9]. Функциональный подход к анализу языковых фактов дал возможность рассматривать модальность как функционально-семантическую категорию, основанную на принципе поля, представляющего собой «систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций» [Бондарко 1984; 548]. Таким образом, идеи функциональной грамматики открыли новые перспективы для изучения и описания разноуровневых языковых средств, формирующих функционально-

семантическое поле модальности и входящих в него микрополей (А.В.Бондарко, С.С.Ваулина, Г.В.Колшанский, А.А.Мецлер и др.).

Модальность включает частные значения возможности, необходимости и желательности, выступающие в виде соответствующих функционально-семантических микрополей. При этом значение возможности, будучи базовым для формирования других значений ситуативной модальности, привлекает особое внимание исследователей (П.Адамец, Е.И.Беляева, С.С.Ваулина, С.И.Небыкова и др.). Однако при всей значимости работ, посвященных изучению специфики языковой реализации категории возможности, ряд вопросов все еще остается недостаточно изученным. Прежде всего это касается сущностных характеристик исследуемой категории и также категории возможности в их языковом преломлении, особенностей ее формально-содержательной реализации в отдельных функциональных стилях. Во-вторых, очевидно, что адекватный семантический, функциональный и коммуникативно-прагматический анализ модальности возможен только при учете ее функционирования в речи, в процессе коммуникации, высшей единицей которой является текст.

Объект исследования – модальное значение возможности как базовый структурно-содержательный фрагмент ситуативной модальности.

Предмет исследования – языковые средства и способы выражения модального значения возможности в современном русском языке.

Цель исследования – рассмотрение особенностей функционирования и систематизация средств выражения модального значения возможности в современном русском языке.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) установить функциональный статус значения возможности в соответствующем микрополе;

2) выявить и описать комплекс языковых средств и способов выражения значения возможности в современном русском языке;

3) выявить и обосновать обусловленность характера семантической и структурной реализации микрополя возможности в современном русском языке.

4) определить семантический объем модального значения возможности, репрезентированного в текстах художественной литературы и в современных газетно-публицистических и официально-деловых текстах;

5) определить специфику функционирования экспликаторов значения возможности в текстах различной функционально-стилистической принадлежности.

Материалом для исследования послужили высказывания со средствами выражения ситуативной модальности (значений возможности, вероятности, предположения, сомнения), извлеченные методом сплошной выборки из текстов произведений русской классической литературы, современной художественной, научной и научно-популярной литературы, а также современные газетно-публицистические и официально-деловые тексты русского языка (500 единиц).

Языковой материал отбирался из произведений Б.Акунина, В.Аксенова, И.Бунина, А.Варламова, И.Грековой, Д.Донцовой, А.Марининой, Т.Петрушевской, А.Платонова, А.Солженицына, Т.Улицкой, Т.Устиновой, Г.Щербаковой и других авторов.

Выполнению указанных задач послужила комплексная методика анализа, включающая **методы** описательного (для описания языкового материала), контекстуального (для исследования иллюстративных контекстов), функционального (для исследования функций языковых средств выражения возможности) и сопоставительного (для сопоставления модальных смыслов) анализа. В качестве основного метода исследования был применен теоретический анализ и систематизация данных научной литературы в области языкознания.

При анализе материала использовались **приемы** наблюдения и описания, элементы компонентного, трансформационного анализов, а также приемы функционально-стилистического сопоставления и количественных подсчетов.

Структура: Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы, Списка источников, послуживших материалом для иллюстративного примера.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее основных положений, материалов и выводов на практических занятиях по русскому языку, а также в переводческой и лексикографической практике.

Глава I. МОДАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§1. Статус значения возможности в структуре функционально-семантического поля модальности

Модальность возможности и способы ее выражения в лингвистической науке не достаточно изучены, хотя в процессе познания объективного мира данная категория занимает важное место. В определенных условиях возможность переходит в действительность, а при отсутствии объективных условий возможность становится невозможностью.

Модальность возможности и невозможности, являясь важным структурно-содержательным компонентом функционально-семантической категории модальности, выступает в ней в качестве соответствующего модального микрополя [Старовойтова 2006: 24].

Возможность и невозможность представляет особую область модальной оценки, объединяющую модальные значения и оттенки, которые передают единый тип модальных отношений и обладают собственными единицами выражения.

Модальность рассматривается в настоящем исследовании как функционально-семантическая категория, понимаемая как совокупность комплекса значений, реализуемых в сфере возможности и комплекса языковых средств выражения возможности.

Модальное поле возможности вступает в различные отношения со смежными модальными значениями, такими как действительность, необходимость, случайность и вероятность [Беляева 1985: 179].

Категория «возможность» правильно определяется только при взаимодействии с категорией «действительность». В данных категориях в процессе опосредования отражаются единые, но различные противоположные моменты движения сущности вещей. И категория

«возможность» и категория «действительность» отражают определение сущности. В этом их сходство содержания, а различие заключается в том, что осуществившаяся сущность соответствует действительности, а неосуществившаяся сущность, сущность в себе - соответствует возможности. Возможность представляет собой то, что не существует непосредственно и самостоятельно. Для того, чтобы возможность осуществилась нужны реальные, опосредованные через сущность условия. В категории «возможность» отражаются потенциальные отношения вещей, которые еще не имеют своего собственного бытия. А вот актуальное отношение вещей, имеющее свое непосредственное выражение, отражается в категории «действительность» [Золотова 1982: 321].

Сущность, определяющая невозможность возникновения чего-то есть отрицательная возможность. Сторонами одного и того же процесса является установление возможности одного с одновременным установлением невозможности другого. Возможность подготавливает переход сущности из одного состояния в другое посредством приобретения новых количественных и качественных определений: *В любую минуту может вспыхнуть война. Тут не до пеленок* (И. Грекова).

Возможность способствует раскрытию сущности. Действительность не существует без возможности. Возможность, возникающая в сущности, служит началом новой действительности [Аскоченская 1998: 167]. Но основной характерной чертой возможности является то, что она не обязательно должна стать действительностью. М.В.Зайнуллин отмечает: «При отсутствии объективных условий, возможность не превращается в действительность, возможность становится невозможностью».

В этом отношении возможность похожа на случайность, так как случайность это то, что может состояться, но может и не состояться. В следствие этого, возможность противопоставляет себя не только действительности, но и необходимости. Но разница в возможном и случайном тоже есть. Объект, который уже существует в действительности,

мы называем случайным, а вот то, что осуществится в будущем - возможным [Ваулина 1988: 279].

Единство возможности и необходимости прослеживается по многим линиям: во-первых - возможность и необходимость противостоят друг другу как противоположности, и это очевидно, так как возможность есть то, что может быть, но может не быть. Во-вторых - эти противоположности взаимодействуют, взаимопроникая друг в друга. Формы такого взаимопроникновения богаты и разнообразны [Ваулина 1988: 91]. Прежде всего, возможность, как и случайность, – необходима, поскольку она является обязательным элементом, стороной движущейся действительности: *Только решение суда еще **может** исправить положение* (И. Грекова).

Возможность есть то, что соответствует объективным законам, а каждый закон есть выражение всеобщности и необходимости, то в силу этого каждая возможность тем, что она есть возможность, является в какой-то степени и выражением необходимости. И наоборот, то, что не соответствует, а тем более прямо противоречит объективной необходимости, является невозможным. Таким образом, основой возникновения, существования возможности является ее соответствие какой-либо необходимости. В этом смысле любая возможность обусловлена и порождена определенными необходимостями, поэтому выступает как особая, специфическая форма проявления необходимости [Ваулина 1988: 94].

Возможность способствует закономерному развитию действительности, будучи ее соотносительной противоположностью. Вместе с тем сама возможность неоднозначна. На неоднозначность возможности указывают некоторые аспекты, которые играют самостоятельную роль в процессе познания. Эти аспекты, взаимодействуя друг с другом, указывают направление развития объективного мира. А все его предметы и явления есть не что иное, как реализованные возможности. Например: *Это средние показатели. Они **могут** меняться, в зависимости от некоторых причин* (АиФ, 30.11.2012).

Возможность - это фрагмент «развития мира», фиксирующий «созревание» перехода от одного положения дел к другому. Возможность определяет, программирует один из вариантов дальнейшего развития ситуации, в то же время возникновение самой возможности, в свою очередь, определяется наличием другой ситуации, которая содержит указания на обстоятельства и условия, детерминирующие появление и реализацию связи между неким субъектом и неким признаком [Маковка 1972: 266].

Говоря на языке логики, детерминирующая ситуация является основанием для ситуации возможности, то есть между данными ситуациями существуют причинно-следственные отношения. Это вполне закономерно, ведь ситуация возможности и «созревание» условий для ее возникновения – это смежные звенья каузальных цепочек, из которых состоит мир и «из которых наш разум и наше воображение выхватывают какие-то отдельные звенья» [Островерхая 2004: 203].

Вместе со значениями необходимости и желательности значение возможности является семантической разновидностью потенциальности. Семантика возможности показывает ситуацию, которая имеет все предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической, хотя на данный момент она ирреальна. В высказываниях, где представлена модальность возможности отражена ситуация со свернутой, скрытой динамикой. Прямая связь между субъектом и его признаком еще не установлена, но уже готова к осуществлению. *Я могу продвинуться по службе: начальник предложил новую должность* («повышение» еще не состоялось, но имеет для этого необходимую предпосылку). Возможность показывает как может развиваться ситуация во времени: «быть возможным - это значит быть одной из альтернатив в «истории» действительного мира». *Я могу продвинуться по службе, если не откажусь от предложения начальника* (или если не подберут другую кандидатуру и т. п.). Тем не менее ситуация возможности, как правило, актуализирует, выносит в коммуникативный фокус только один

из возможных событийных векторов, одну из альтернатив [Островерхая 2004: 207].

Возможность указывает на существующие отношения между субъектом и его действием, отражаясь в языке как сообщение об условиях для своего возникновения [Виноградов 1950: 79]. Тип связи субъекта и действия определяют обстоятельства, условия, которые способствуют становлению и реализации потенциальной ситуации. Предопределяющим фактором этих связей может быть либо сфера субъекта с его внутренними характеристиками - умениями, способностями, состоянием качествами, либо сфера внешнего мира, с внешними обстоятельствами и законами бытия [Виноградов 1950: 73].

На основе характеристики обуславливающих факторов, создающих предпосылки для превращения ситуации, не существующей в действительности в ситуацию фактическую, исследователи осуществили дифференциацию множества частных значений возможности в виде классификаций, отмечающих или их субъективную, или их объективную природу. Терминологически применительно к языку в целом эти параметры закрепились в виде соответствующих обозначений - субъективной и объективной возможности либо внутренней и внешней возможности.

Таким образом, вышесказанное позволяет квалифицировать значение возможности как базовое в системе модальных значений ситуативной модальности и рассматривать ее как функционально-семантическую категорию. Для других значений, таких как сомнение, вероятность, предположение функционально-семантическое поле возможности оставляет свои границы открытыми. Такая диффузность границ позволяет обобщать и соединять новые модальные смыслы. В связи с этим семантика высказывания обогащается разнообразными модальными оттенками [Виноградов 1950: 356].

Частным проявлением общего смысла: возможности/вероятности является субкатегория предположения.

§2. Смысл «Предположение» и возможность

Предположение является смыслом, основанным на мнении говорящего об определенном факте события, а также о возможном и вероятном знании говорящего о квалифицируемом событии.

«Предположение», как часть возможности, представляет собой мыслительную операцию, в которой говорящий отражает свою позицию, решая определенную коммуникативную задачу. Предположение выражает смысл, только если есть уверенность в том, что этот смысл все-таки может быть истолкован, раскрыт реципиентом.

У категории «предположения» есть и план содержания и план выражения. Языковые средства выражения смысла «предположение» представляют функционально-семантическое поле с ядерно-периферийным членением [Лекант 1976: 336].

Смысл «предположение» редко проявляется в чистом неосложненном виде. Осложнения образуются коннотативными наслоениями, разного рода оценочными и персонализирующими факторами, которые носят прагматический оправданный характер и выявляются при анализе семантической структуры предложения-высказывания [Нагорный 2000: 331].

Смысл «предположение» представляет собой мыслительную операцию, основанную на логических представлениях и прагматических намерениях говорящего. Однако все это реализуется в речи с помощью языковых элементов (доказывается трехчастность Г.Фреге «мышление - язык - действительность»). От того, как говорящий отражает свою мысль на представленную ситуацию, каково содержание и намерение его высказывания зависит выбор средств выражения смысла «предположение» [Фреге 1997: 449].

Предложения с субъективно-модальным значением предположения содержат указание на то, что говорящий не уверен в истинности сообщаемых фактов (событий, явлений, признаков). *Воцев и Чиклин сели на камень возле*

высокого забора, предположительно, это был тот самый двор (А.Платонов).

Исходя из неразрывной связи «мышление - язык», «предположение» содержит как план содержания, так и план выражения и имеет ряд дифференциальных признаков, которые соответствуют тому, чтобы «предположение» представить как категорию: во-первых, отражает ситуацию предположения в реальной действительности; во-вторых, является частным проявлением общего смысла: возможности/вероятности положения дел; в-третьих, представляет собой базовый смысл, на основе которого образуются другие модальные значения (сомнение, допущение, гипотетичность и др.); в-четвертых, характеризуется регулярными способами выражения [Лекант 1976: 244].

Делая предположение, говорящий подчеркивает, что содержание высказывания возможно, вероятно, основано на внезапной догадке или опасении, то есть оно неистинно. Цель субъекта речи в данном случае - выразить неуверенность, сомнение в необходимости какого-либо действия, недоверие, скепсис, желательность или неизбежность предполагаемого события: *Я предположил, что этот маленький человек с красным вздернутым носиком и длинейшими рыжими усами, может быть, и есть тот самый помещик из соседнего уезда (И.Тургенев).*

Языковые средства, в которых реализуется смысл «предположение», многообразны и относятся к различным уровням языка: лексическому, морфологическому и синтаксическому. Между этими средствами существуют взаимосвязи. Лингвисты указали на сходство некоторых сочетаний, когда можно использовать одни средства для толкования других, например, возможности, вероятности, сомнительности [Чибук 2004: 217].

От того, насколько оптимально говорящий стремится выразить свою мысль зависит выбор языковых средств выражения смысла «предположение». Субъективный взгляд на возможное положение дел в

действительности - вот главные мотивы, побуждающие говорящего верно отбирать языковые средства для выражения смысла «предположение».

Категорию «предположения» можно рассматривать как полевую структуру, это объясняется имеющимися семантическими связями между средствами выражения данной категории. В.Бондарко представил функционально-семантическое поле как пространство, в котором намечается взаимное расположение центральных и периферийных компонентов [Бондарко 1984: 136]. В центре максимально сконцентрированы, сосредоточены отличительные, характерные признаки; на периферии эти признаки утрачивают свою концентрацию, то есть разряжаются. На основании ситуативно-пропозиционального анализа фактического материала к центру ФСП предположения, связанного с возможностью, относятся:

-значимые части речи с соответствующим значением (*предположительно, предполагать, предположение*);

-модальные слова и частицы со значением недостоверности сообщаемого (*врядли, наверно, может быть и др.*).

Сосредоточение данных средств в центре обусловлено тем, что эти языковые компоненты в своей семантике содержат условие: представленная информация не является абсолютно верной, точной, а скорее она выглядит как догадка или предварительное суждение.

Выбор и характер языковых средств зависит от качества информации, которой располагает говорящий и от его стремления отразить свой взгляд на реально существующее, настоящее положение вещей (в прошлом, будущем или настоящем времени).

Как подтвердил анализ языкового материала знаменательные части речи, которые используются с соответствующим значением не всегда равнозначны по своему семантическому наполнению [Яковлева 1994: 374]. Так, при использовании языкового элемента *предположить* субъект речи как бы устраняется, удаляется от предположения, преподнося его в форме условия. *Не дожидаясь результатов медицинской экспертизы, осмелюсь*

предположить, что все жертвы были подвергнуты воздействию сильнодействующего яда с быстрым усыпляющим эффектом (Б. Акунин). Предположение, связанное с возможностью, носит здесь произвольный, безосновательный характер. Субъект речи не уверен в том, что информация, которой он располагает, обоснована, доказательна. И эта недостоверность информации «опирается на нечеткость самой информации, на ее отсутствие, на невозможность прямого восприятия объекта» [Нагорный 2000:131].

Другим примером могут послужить конструкции, где указан субъект мыслительной операции и использованы формы глагола *предполагать* или его девербатив *предположение*: *Может, он всего лишь мертвецки пьян, но лично я **предполагаю**, что дело обстоит значительно хуже* (И. Хмелевская). В таких высказываниях предположение носит обоснованный характер. Говорящий уверен в истинности предлагаемой информации, однако маленькая доля сомнения не позволяет принять данный факт как абсолютно достоверный. *В Лизавете Николаевне он **предполагал** встретить какое-то необычайное существо* (Ф.Достоевский). *Здесь действительно, как я и **предполагал** «теоретически», чернел правый коридор юта, уцелевший от разрушения при столкновении судов* (И.Ефремов). И в первом и во втором примере общим является то, что в сложных конструкциях одна из частей содержит название мыслительной операции, а вторая – субъект, производящий действие [Арутюнова 1976: 235].

Однако сам смысл «предположение», связанный со смыслом «возможность», заключается в придаточной части: *Можно **предположить**, что Екатерина Николаевна написала брату об этом разговоре в смягченных тонах* (И.Ободовская). *Итак, если только **предположить**, что я вами обижен, то теперь, в настоящую минуту, я нарочно не хочу извинения...* (Ф.Достоевский). В подобном типе конструкций в придаточной части предложения заключено основное содержание и временное значение всего высказывания, поэтому придаточная часть получает основную нагрузку. «При этом предложение, содержащее в себе модальную оценку или

субъективную квалификацию основного сообщения, обычно занимает господствующую синтаксическую позицию. Будучи по своему смыслу «вводным», оно становится по своей природе так называемым «главным» предложением» [Виноградов 1950:77].

В качестве модусного предиката могут выступать глаголы, предикативные наречия, существительные и прилагательные. Например: *У меня есть **предположение**, что это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц* (М. Булгаков). В первой части сложного предложения указан только субъект речи и его коммуникативная направленность *у меня есть предположение*, во второй – само предположение *это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц*.

Языковой элемент *предположительно* выполняет особую функцию в высказываниях со смыслом «предположение». Данный языковой элемент выступает в субъективно-оценочной функции, выполняя в предложении роль обстоятельства: *Маша пошарила рукой там, где он **предположительно** находился* (С. Вишневская). Говорящий оценивает ситуацию, основываясь на собственных знаниях о ней. Предположение, выраженное наречием *предположительно*, носит обоснованный характер: *Ты завтра улетаешь. Не знаешь, сколько продлится это безумие? - **Предположительно** дней пять, не больше* (С.Вишневская). В данном высказывании в обоснованном предположении скрыта доля сомнения.

Таким образом, семантика предположения, как части возможности в предложениях-высказываниях со значимыми частями речи с соответствующим значением (*предполагать, предположительно, предположение*) имеет эксплицитный характер. Это позволяет утверждать, что синтаксические конструкции с данным лексическим наполнением являются основным способом выражения смысла «предположение», его формальной приметой [Золотова 1982:321].

Языковые элементы со значением недостоверности сообщаемого (*едва ли, небось, может быть, наверное* и др.) представляют самую объемную в

количественном плане группу языковых средств, выражающих предположение, как часть возможности. Например: - *Но вы, **наверное**, не знаете, что такое кружок?* (И.Тургенев). ***Может быть**, легче выдумать смысл жизни в голове – ведь можно нечаянно догадаться о нем или коснуться его печально текущим чувством* (А.Платонов). *Он говорил о библиотеке, приобретенной **едва ли** не за год до того, как он ушел из «Международной книги»* (В.Каверин). Под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов в конкретном высказывании актуализируется одна из сем модальных частиц, так что последняя выполняет коммуникативную, эмоциональную функцию или функцию модального модификатора [Нагорный 1993: 511].

Используя модальные частицы для выражения смысла «предположение» субъект речи тем самым репрезентирует свою точку зрения, воздействует на собеседника, отражая тем самым свой взгляд на возможное положение дел в действительности. Так, например: *И, **по-видимому**, наверху к Васиной статье отнеслись благосклонно, иначе **вряд ли** меня стали разыскивать и вытаскивать из вокзального прозябания на свет Божий* (А.Варламов). В данном высказывании представлено два предположения о возможном развитии ситуации. Первое предположение, которое обозначено языковым элементом *по-видимому* выглядит уверенно. Модальная частица *вряд ли*, обозначающая второе предположение, берет на себя основную нагрузку при выражении смысла «предположение» и является зависимой и от синтаксической и от семантической сочетаемости внутри предложения-высказывания [Нагорный 1993: 511].

Высказывания со смыслом «предположение» ориентированы не только на зону, но и на другие субъектные сферы: ***Неужели вы предположите**, что я солидарен с ними, и думаете, что я могу участвовать в составлении этой бумажки?* (Ф.Достоевский). В данном примере частица *неужели* при взаимодействии с вопросительной конструкцией и предикатом дополняет определенным смыслом

высказывание. В результате два семантических поля - частицы и ментального предиката, составляет единое целое - предположение о возможном другом предположении.

В связи с тем, что смысловое значение модальных частиц неопределенно, неясно по своей природе, смысл «предположение» может осложняться другими смыслами, такими как «сомнение», «желательность», «вероятность». Смысл «предположение» является центром для реализации всех этих семантических осложнений, а основополагающий компонент данных осложнений фиксирует их в границах смысловой сферы предположения.

Главным обоснованием того, что данные средства выделяются в ядерную зону ФСП предположения, является прежде всего их возможность передавать семантику предположения. Отметим, что ядерные средства характеризуются и регулярностью, высокой частотой [Нагорный 1993: 97].

К периферии смысла «предположение», как части возможности относятся разнообразные конструкции, явно или невыраженно отражающие «предположение». Это вопросительные конструкции, конструкции с условно-гипотетическим значением, конструкции с модальным глаголом *должен* + Infinitiv личного глагола, конструкции, построенные по типу - *думаю, что..., надеюсь, что*, конструкции с разделительным союзом *а то*.

Такие языковые элементы в силу лексико-семантической наполненности ядерного предиката способны выражать смысл «предположение», так, например, в лексеме *надеяться* заключено основное значение - «*рассчитывать на что-нибудь, возлагать надежды, считать возможным*». Например: *Они тебе помогут вернуться обратно в город. - Надеюсь!* (И.Бунин). Языковой элемент *надеюсь* выражает установку говорящего на предположение. Семантическое ядро, которое обозначает само предположение является предпосылкой другого уровня. Предположение выступает здесь в роли предположения-прогноза. Говорящий прогнозирует разрешение ситуации и у него наблюдается

высокая уверенность в благоприятное, успешное осуществление ситуации. В действительности такое предположение всегда направлено на положительный исход дела [Нагорный 1993: 96].

Также субъективно-модальное значение «предположения» реализуется в составе предложений с помощью вводно-модальных компонентов: *предположим; может быть; возможно; наверно; судя по всему; очевидно; видимо; по-видимому; по всей видимости; видать; похоже; надо думать; должно быть; вероятно; по всей вероятности; верно; случаем; случайно; часом; не ровен час; чего добро*. Например: *Например: Отец стал думать о том, что придется, **видимо**, писать заявление в кассу взаимопомощи (А.Платонов). На том месте собрались грачи для отлета в теплую даль, **очевидно**, время их расставания со здешней землей уже наступило (А.Платонов). - Вот вы теперь смотрите на меня, и, **вероятно**, самих себя спрашиваете: как же это я не заметил его сегодня? (И.Тургенев). Кто ее произвел на свет божий, не знаю: **верно**, какая-нибудь старая дева мужеского пола, - таких старых дев в Москве пропасть (И.Тургенев). И только изредка он словно замирал на мгновение от тоски жизни, **должно быть**, чувствовал горечь прошлых воспоминаний (А.Платонов)*. Таких Гамлетов во всяком уезде много, но, **может быть**, вы с другими не сталкивались (И.Тургенев). ***Может быть**, это точно проходил гусар за водой и пошел в лощину, а **может быть**, он только что исчез из виду и совсем исчез, и его не было (Л.Толстой)*. Данный языковой компонент *может быть* выступает в контактной позиции с союзом «а» и осложняет его предположительным значением.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что «предположение» является частным проявлением общего смысла - возможности/вероятности положения дел в действительности. «Предположение», как часть возможности, «проявляет избирательность» в сфере своего функционирования. Формируя и воплощая речевой смысл, может выполнять ряд функций: усложнять семантику высказывания,

актуализировать скрывающиеся интенции говорящего, эксплицировать языковую личность, воздействовать на собеседника, а также выполнять текстообразующую функцию. Следовательно, можно говорить о широких функциональных возможностях данной категории.

Таким образом, исследование смысла «предположение», связанного со смыслом «возможность», позволяет расширить и углубить знания о языковой картине мира, а также охарактеризовать языковую личность в плане языковой компетенции (знание и владение способами выражения данного смысла).

От того, как говорящий намерен в представленной ситуации оптимально отразить свою мысль, как он стремится выразить свой взгляд на возможное положение дел в действительности и зависит выбор средств выражения смысла «предположение», как части возможности [Бондарко 1984: 548].

Особенностью периферийных средств выражения смысла «предположение» является возможность эксплицировать предположение среди других смысловых наслоений, так как каждое из средств характеризуется способностью отражать семантические «нюансы» высказываний, выражающих смысл «предположение»: предположение-совет, предположение-догадка, предположение-прогноз, предположение-причина и т.д. Это условие влияет на перемещение пропозиции по шкале достоверности в сторону полюса недостоверности.

«Предположение», как часть возможности, представляет собой базовый смысл, на основе которого образуются другие модальные значения (сомнение, допущение). По отношению к значению сомнения «предположение» является базовой категорией, на основе которой происходит ее становление [Нагорный 2001: 126]. Таким образом, предположение - основа для реализации сомнения. Второе без первого невозможно, в то время как первое без второго эксплицируется достаточно часто.

§3. Смысл «Сомнение» и возможность

Современные психологические и психолингвистические исследования доказывают неразрывную связь эмоции и мысли, эмоционального реагирования и процесса познания. Эмоция сомнения, наряду с уверенностью, интересом, любопытством, удивлением, изумлением, недоумением, догадкой, относится к интеллектуальным эмоциям - специфическим переживаниям, возникающим у человека в процессе его мыслительной деятельности [Васильева 1981: 190].

В работах Н.Д.Арутюновой, С.С.Ваулиной, Т.В.Шмелевой и многих других исследователей рассматриваются различные эмоциональные состояния человека: любовь, ревность, страсть, счастье, радость, страдание, горе, грусть, обида, страх, ужас, презрение, гордость, зависть, стыд, удивление, интерес. В этом же ряду эмоциональных состояний находится и сомнение - специфическое переживание человека, возникающее в процессе его мыслительной деятельности [Шмелева 1984: 460].

Категория сомнения – это сложная семантическая категория, функционирующая на пересечении нескольких семантических зон, тесно взаимодействуя с категориями возможности, предположительности, вероятности, приблизительности... Вступая в системные связи с этими семантическими категориями, семантика сомнения приобретает широкий спектр вариантных значений [Бондарко 1976: 255].

Можно выделить следующие типы функционирования средств выражения сомнения:

1) сомнение-предположение: *Мать в сердечном приступе (предположительно) ссадили с поезда на полустанке, не подумав о длине перегона* (Г. Щербакова).

2) сомнение-возможность: *Она подружилась с молодыми актёрами-американцами, и они пригласили её в свою труппу, и теперь она, **наверно**, поедет в Штаты, в Чикаго* (А. Масс).

3) сомнение-вероятность: *Наверное, весь вечер Матрена только об том и думала* (А.Солженицын).

4) сомнение-кажимость: *Некоторое время спустя дома стали пониже и пореже, во мраке **вроде бы** поплыли очертания деревьев, а еще минут через пятнадцать потянулись окруженные садами особняки* (Б.Акунин).

5) сомнение-эвиденциальность: *Говорят, что это из-за горницы, на которую легло проклятие с тех пор, как руки Фаддея ухватились ее ломать* (А.Солженицын).

6) сомнение-приблизительность/неточность качества или количества: *Она могла держаться на ней долго, на ноте, так что даже куры прятались кто куда, не то имеющие соображение собаки, которые учували ноту «ля» («си»?) за момент до ее возникновения* (Г.Щербакова).

7) сомнение-эмоциональное состояние (отношение): *Воцев боялся ночей, он в них лежал без сна и **сомневался**; его основное чувство жизни стремилось к чему-либо надлежащему на свете* (А.Платонов).

8) сомнение-оценка: *<...> Чувствительность у пострадавшего не нарушена. Соображение - тоже. Понимает, что валяться на мокрой от росы траве - **удовольствие сомнительное**, просит соломки подстелить* (В.Андреева).

Ближайшим синонимом сомнения является неуверенность, так как, выражая сомнение, говорящий приравнивает его к неуверенности через отрицание позитивной когнитивной позиции [Ваулина 1988: 328].

В высказываниях, где выражено сомнение, всегда имеется некая доля возможности, вероятности и предположительности. В своих высказываниях говорящий выражает сомнение в достоверности или недостоверности факта, в истинности происходящих событий, как бы решает некую спорность проблемы, испытывая нерешительность или колебание [Карнап 2000: 57]. Например: *Все гости, разумеется, вполне согласились с рассказчиком и **как будто** оживились от полученного удовольствия и наставления* (И.Тургенев). Канарейка внезапно утихала и только изредка чирикала, **будто** о чем-то

спрашивала (И.Тургенев). *Ты **вроде** уже говорил мне об этом* (В. Шишков). *Сафронов не мог ответить, **верно**, сердце его лежало в разрушенной груди и не имело чувства* (А.Платонов). *Река **едва ли** могла виднеться сквозь густую листву* (И.Тургенев).

Средства репрезентации семантики сомнения, как части возможности очень разнообразны, имеют системный характер, интегрируются в полевою структуру и относятся к разным уровням языка, активно взаимодействуя друг с другом.

Специализированные маркеры служат для передачи инвариантного значения сомнения, то есть являются однозначными и относятся к ядерным средствам репрезентации семантики сомнения. Косвенные маркеры служат для создания многочисленных вариантных значений сомнения, например: сомнения-опасения, сомнения-предположения, сомнения-недоверия, сомнения-смущения, сомнения-кажимости [Всеволодова, 2000: 344].

Важнейшим средством репрезентации семантики сомнения, как части возможности являются, прежде всего, поминанты-названия эмоции сомнения. Например: *Коробку с носовыми платками я отнесла на работу. Брали, но как-то вяло, без трепета с **сомнением*** (Т.Толстая, Н.Толстая). *Казалось, они с удовольствием слушали, как напитывается обидой мой голос. Они явно слышали в нем трещинку **сомнения** может, я и в правду не слишком рачительно использую доверенную мне сумму? Этого они и добивались - **сомнения**, легкой утраты почвы у меня под ногами, зябкого смущения* (И.Полянская) [Гоголина, 2000: 124].

К косвенным лексическим маркерам сомнения относятся следующие средства: [Романова, 2004: 298].

1. Модальные частицы *якобы, едва ли не, чуть ли не, небось, авось, поди, будто, как бы, как будто, вроде, вроде бы, ли, не ли, неужели, неужто, разве*. Например: *Моя покойница, **поди**, тоже принадлежала к подобным произведениям природы* (И.Тургенев). *Иногда ей самой, **вроде бы**, хотелось встрепенуться, взыграть на свежем воздухе, на солнце, да на воле*

(И.Тургенев). *Не хотелось, знаете, до времени заплывать жиром, хоть оно, **говорят**, и здорово* (И.Тургенев).

2. Вводно-модальные слова *вероятно, видимо, возможно, говорят, должно быть, допустим, кажется, может, может быть, наверно, наверное, по-видимому, похоже, пожалуй*. Например: *Близ церкви росла старая забвенная трава и не было тропинок, **вероятно**, люди давно не молились в храме* (А.Платонов). *Но и он не испугался Чиклина, а лишь молча поглядел на человека, собираясь, **видимо**, вскоре умереть в темноте осени* (А.Платонов). *Активист стоял на высоком крыльце и, **кажется**, с молчаливой грустью наблюдал движение жизненной массы на сырой вечерней земле* (А.Платонов). *Оригинальный человек пожал бы плечом, **может быть**, вздохнул бы раза два, да и принялся бы жить по-своему* (И.Тургенев). *Молодых людей должно в строгом повиновении держать, а то они, **пожалуй**, от всякой юбки с ума сходят* (И.Тургенев). Данные вводно-модальные слова используются в значении допущения возможности вероятности чего-либо, а также для выражения неопределенности, предположения.

Таким образом, для репрезентации исследуемой семантики современный русский язык располагает весьма ограниченным корпусом специализированных маркеров.

Специализированные маркеры служат для передачи инвариантного значения сомнения, как части возможности, то есть являются однозначными и относятся к ядерным средствам репрезентации семантики сомнения. Косвенные маркеры служат для создания многочисленных вариантных значений сомнения, то есть являются неоднозначными и уточняются в контексте. Данные языковые средства являются периферийными средствами репрезентации семантики сомнения [Карнап 2000: 57].

Для выражения различных значений семантики сомнения, как части возможности широко используются слова практически всех частей речи. Номинанты, модальные частицы, вводно-модальные слова, модальные

фразы, глаголы используются наиболее часто. Существительные обычно употребляются в качестве названия состояний, вызывающих эмоции сомнения. Прилагательные и наречия описывают состояние, в котором скрыто сомнение, указывают на его возможное наличие в описываемой ситуации. Глагол, являясь наиболее динамичным классом слов, позволяет наиболее действенно и адекватно передавать эмоциональные состояния и кодировать возникающие ситуации. Предикативные наречия для репрезентации семантики сомнения используются редко. Среди синтаксических маркеров наиболее распространены синтаксические конструкции с разделительными союзами, вопросительные конструкции с частицами, формы представления, коммуникемы.

На уровне простого предложения семантика сомнения, связанная с возможностью, передается, прежде всего, в вопросительных предложениях с помощью частиц и/или интонации. В сложном предложении сомнение чаще выражается в вопросах и в сложносочиненных конструкциях с разделительными союзами [Романова 2008: 401].

В рамках функционально-семантического поля достоверности микрополе сомнения тесно взаимодействует с микрополями возможности, предположительности, вероятности. Каждое из этих полей находится в оппозиции к функционально-семантическому полю уверенности [Ваулина 1993: 70].

§4. Смысл «Вероятность» и возможность

Оценка степени достоверности событий в мире является одним из основных качеств существования человека, его активности и понимания мира, и является критично важной для выживания.

Модальное значение вероятности, как части возможности в рамках субъективной модальности затрагивали в своих исследованиях такие видные ученые, как В.В.Виноградов, А.А.Потебня. В дальнейшем эти идеи были исследованы в трудах многих отечественных лингвистов: Н.Д.Арутюновой,

А.В.Бондарко, В.Н.Бондаренко, А.Н.Васильевой, Е.М.Вольф,
А.В.Зеленщиков, Е.В.Падучевой. Н.Ю.Шведовой.

Субъективная модальность отражает степень уверенности говорящего в сообщаемых фактах, определяет вероятность обоснованности, доказательности мысли, оценивает «содержание высказывания с точки зрения достоверности, вероятности, предположительности» [Распопов 1957: 6].

Одним из основных качеств существования человека, его активности, интеллектуальной и познавательной деятельности является оценка степени достоверности событий в мире. В список важных основных человеческих понятий входит и понятие вероятности. Оно настолько значимо, что формирует собственное модальное значение и занимает ключевое положение в рамках субъективной модальности.

Модальное значение вероятности является основным для других модальных значений, таких как неуверенность, сомнение, уверенность, гипотетичность, достоверность. Выраженная в языке вероятностная оценка субъектом речи некой ситуации, положения дел в действительности представляет модальное значение вероятности [Зеленщиков 1997: 331].

Ситуация вероятности возникает тогда, когда для выполнения какого либо действия, события необходимо соблюсти или выполнить какие либо условия. Тогда этот факт или явление может иметь место в действительности.

В научной литературе часто происходит смешение понятий достоверности и вероятности. Знания, которые мы приобретаем – это простые вероятности более или менее близкие к истине. Достоверность – понятие определенное: она или есть, или ее нет. Вероятность, приближаясь или удаляясь от достоверности, представляет собой непрерывную область. От того, насколько практическое суждение говорящего основывается на его познаниях и выводах зависит степень удаления или приближения вероятности от достоверности.

С философской точки зрения понятие вероятности в основе имеет категорию возможности - то, что невозможно, имеет нулевую вероятность. С этим связан общий смысл категории вероятности, как количественной меры возможности появления случайного события. Классическим определением вероятности события A считается отношение числа исходов, благоприятствующих A , к числу всех равновозможных исходов. Под благоприятствующими A исходами понимаются те, которые влекут A [Зеленщиков 1997: 191].

Более точно степень вероятности передают модальные слова и модальные глаголы. Они представляют закрытый класс, на них не наслаиваются дополнительные значения, а вот глаголы мыслительной деятельности выражают степень вероятности не точно.

В русском языке к модальным словам относится группа лексико-синтаксических единиц, выполняющих в предложении функцию вводности и выражающих авторское отношение к достоверности сообщаемого. Данные компоненты выделены в русском языке в самостоятельный классификационный разряд для систематического описания в качестве средств выражения субъективно-модальных значений: *может быть, вероятно, возможно, наверное, кажется* (модальное значение вероятности). Например: - *Я должен вам казаться большим чудаком, или, **может быть**, пожалуй, еще чем-нибудь похуже* (И.Тургенев). *Кто-то, **кажется** разоренный генерал, человек, ознакомленный с новейшей словесностью, упомянул о влиянии женщин вообще и на молодых людей в особенности* (И.Тургенев). *Всюду над пространством стоял пар живого дыхания, **вероятно**, это он создавал сонную душную незримость* (А.Платонов). *Сановник, **вероятно**, ради важности иногда изменял общепринятые ударения слов* (И.Тургенев). *Притом же я, **кажется**, вам все сказал, что хотел; **вероятно**, и вам хочется спать* (И.Тургенев). *Если бы я не имел несчастья ее лишиться, я бы, **вероятно**, не был в состоянии разговаривать сегодня с вами* (И.Тургенев). Модальное слово *вероятно* указывает на то, что

сообщаемое в действительности лишь возможно, то есть может и не быть фактом действительности.

Средствами выражения модального значения вероятности, как части возможности являются наклонения, модальные глаголы, глагольно-временные формы, модальные слова и выражения, глаголы мыслительной деятельности [Бондарко 1971: 116].

Такие лексические средства, как глаголы мыслительной деятельности, модальные слова и наречия составляют ядро функционально-семантической группы модального значения вероятности, как части возможности. Частота употребления модальных глаголов и глагольно-временных форм так же позволяет включить эти средства в ядро функционально-семантического поля вероятности, хотя данные языковые средства не имеют значения вероятности в качестве основного.

Вводно-модальные слова составляют комплекс языковых средств, выражающих определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности. Так, А.В.Бондарко относит вводно-модальные слова (модальные частицы и фразы) к ядерным средствам выражения модальности. Эти средства передают основное модальное значение, тогда как порядок слов, интонация, целевая установка предложения, тип синтаксической конструкции определены им как дополнительные средства, находящиеся на периферии категории модальности [Бондарко 1971: 211].

Модальные слова и частицы могут превратить значение прямого утверждения или отрицания факта, присущее изъявительному наклонению, в значение недостоверности, сомнительности, даже ирреальности действия. В таком случае, значения форм изъявительного наклонения приближаются к сфере значений сослагательного наклонения.

Наклонение можно выделить на периферию функционально-семантического поля, так как современное употребление этого наклонения часто является автоматическим, а в тех случаях, когда оно выражает

значение вероятности, оно почти всегда сопровождается лексическими средствами той же функционально-семантической группы [Шведова 1969:74].

Количественный анализ подтвердил, что в русском языке лексические средства являются доминирующим средством выражения модального значения вероятности.

Распределение языковых средств выражения модальности вероятности, по оси значений имеет большое значение для большого числа областей - медицина, финансы, риск-менеджмент, разведка и т.д.

Используя вводно-модальные компоненты различной семантики, говорящий выражает свое личное отношение к характеризваемым событиям, явлениям, персонажам, действующим в произведении, к себе – собственным мнениям, предположениям и др., обнаруживая тем самым свое авторство модальных оценок [Шведова 1969:78].

Таким образом, модальное значение вероятности, как части возможности, занимает ключевое положение в рамках субъективной модальности. Модальные значения уверенности, неуверенности, достоверности, недостоверности, сомнения, гипотетичности - варианты модального значения вероятности. Средствами выражения модального значения вероятности являются модальные слова и выражения, модальные глаголы, глаголы мыслительной деятельности, глагольно-временные формы, наклонения [Бондарко 1971: 211].

В ядро функционально-семантической группы модального значения вероятности, как части возможности входят лексические средства: модальные слова, наречия и глаголы мыслительной деятельности. Основное модальное значение вероятности передают вводно-модальные слова. Дополнительные средства: порядок слов, интонация, целевая установка предложения, тип синтаксической конструкции находятся на периферии категории модальности [Бондарко 1971: 211].

Наклонение можно выделить на периферию функционально-семантического поля, так как современное употребление этого наклонения часто является автоматическим, а в тех случаях, когда оно выражает значение вероятности, оно почти всегда сопровождается лексическими средствами той же функционально-семантической группы.

В русском языке лексические средства являются доминирующим средством выражения модального значения вероятности.

§5. Функционально-семантическое поле возможности

Функционально-семантическое поле возможности является очень объемным полем, куда входят микрополя «предположения», «сомнения», «вероятности».

Значение возможности реализуется в предложении с помощью различных языковых средств. Они образуют функционально-семантическое поле модальности, семантическую зону возможности.

По определению А.В. Бондарко, функционально-семантическое поле (ФСП) - «это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко 1976:255].

В плане выражения поля выделяют главный элемент - ядро. Ядро в полном объеме и с наибольшей регулярностью и частотой передает все оттенки значения данного поля. Периферию образуют все значения, находящиеся за пределами этого ядра. Отношение между доминантой и периферией складываются по линии уменьшения специализированности и частотности употребления и сужения значения.

План содержания ФСП членится на семантические зоны на основе дифференциальных признаков, выделяемых в процессе анализа семантики

составляющих его компонентов. Доминирующим следует считать признак, присутствующий в семантике всех без исключения конstituентов ФСП и наиболее полно отражающий качественную специфику данного ФСП.

Так, для ФСП возможности преобладающим, основным признаком будет являться предопределенность связи объекта действительности с некоторым предполагаемым действием или состоянием. Этот признак присутствует в семантической структуре всех элементов поля [Небыкова 1981: 242].

К модальным лексемам, входящим в ФСП со значением возможности, в русском языке относятся: модальный глагол *мочь*; предикативное наречие *можно*; наречия *возможно, невозможно, вероятно*; краткие прилагательные *возможен, способен*; глаголы *полагать, предполагать, допускать, думать, уметь, удаваться*; существительные *возможность, вероятность*; некоторые устойчивые обороты типа *иметь (дать, упустить) возможность, быть в состоянии, быть в силах, иметь право* и многие другие.

Лексемы типа *можно* называют предикативными наречиями, предикативами, безлично-модальными предикативами [Лекант 1976: 336], словами категории состояния [Золотова 1982: 302]. С категорией состояния модальные лексемы на -о сближает то, что субъект действия выступает при них в форме дательного падежа.

Языковой элемент *можно* ближе всего к модальным глаголам и по значению, и по синтаксическому употреблению.

Доминантой поля возможности в русском языке является лексема *мочь*, которая обладает наиболее широким семантическим диапазоном, способным выражать все оттенки значений возможности [Беляева 1990: 214]. При этом *можно* также входит в ядро поля. Все остальные языковые элементы составляют периферию данного ФСП.

Доминантой поля возможности в русском языке является лексема *мочь*, которая обладает наиболее широким семантическим диапазоном, способным выражать все оттенки значений возможности [Беляева 1990: 214]. При этом

можно также входит в ядро поля. Все остальные языковые элементы составляют периферию данного ФСП.

5.1. Центральная зона функционально-семантического поля ВОЗМОЖНОСТИ

В качестве конstituентов центральной зоны ФСП возможности в русском языке выступают наиболее частотные, обладающие емкой модальной семантикой и стилистически не маркированные модальные модификаторы: глагол *мочь*, предикативы *можно* и *нельзя* в сочетании с зависимым инфинитивом, частотность функционирования которых в рассматриваемом микрополе составляет 51,9 % 5. Доминантой центральной зоны микрополя возможности является глагол *мочь* - быть в состоянии, в силах что-либо делать; иметь возможность что-либо делать, частотность функционирования которого составляет 38,3%. *Шухов снял шапку, как перед начальством, и, по лагерной привычке лезть глазами куда не следует, не мог не заметить, что Николай писал ровными строчками* (А.Солженицын). Столь широкая употребительность модального глагола *мочь* обусловлена, как отмечает С.С.Ваулина, его «принадлежностью к древнейшим пластам лексики, восходящим к индоевропейскому языку-основе и имевшим устойчивую семантику» [Ваулина 1993: 38]. Согласно этимологическим словарям, данный глагол восходит к основе *māgh* - быть в состоянии, быть в силе [Фасмер 1969: 431]. На доминантное положение глагола *мочь* в микрополе возможности русского языка указывают и другие исследователи, например, А.В.Бондарко, Е.И.Беляева и Л.А.Бирюлин, отмечающие, что модификатор *мочь* отличается «от всех остальных единиц поля шириной семантического объема и способностью выражать все типовые ситуации и их варианты». В словаре «Лексические минимумы современного русского языка» [Морковкин 1985: 126] глагол *мочь* входит в пятьсот самых употребительных слов русского языка [Бирюлин 1993: 70].

Частное значение «быть в состоянии, в силах что-либо сделать» может дифференцироваться в соответствии с основными значениями полисеманта состояние (настроение, здоровье, финансы): «не быть в состоянии выполнить действие по причинам психического (физического, финансового) характера», причем психические факторы чаще других определяют возможности субъекта: *Мы тебя отстоять **не можем**, ты человек не сознательный, а мы не желаем очутиться в хвосте масс* (А.Платонов). *Мы живем рядом с ней и **не можем** понять, что она то и есть тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село* (А.Солженицын).

Видовой коррелят глагола *мочь* - модификатор *смочь* - может употребляться в контекстах, где *мочь* и *смочь* являются взаимозаменяемыми: *Я мог бы прийти - **смог** бы прийти*. Но главной отличительной семантической чертой языкового элемента *смочь* является то, что, употребляясь в форме прошедшего времени, глагол *смочь* приобретает значение результативности [Баретсен 2002: 11]. *Но они **не смогли** расстаться со скотиной и уничтожали ее до костей, не ожидая пользы желудка* (А.Платонов). *Одна вскопать свой огород лопатой она **не смогла**, пришлось позвать на помощь соседку* (А.Солженицын).

Языковые элементы *можно* и *нельзя* также занимают центральное место в рассматриваемом модальном микрополе. Они являются вторыми по частотности употребления (13,6%) и выражают следующие значения: *можно, есть условия для осуществления чего-либо, разрешается, позволительно; нельзя, невозможно; не разрешается, не дозволено*. Например: *Инженер показал Чиклину на вбитые колышки: теперь **можно** начинать* (А.Платонов). *Вот тут – провалина, ее выровнять за один ряд **нельзя**, придется ряда за три, всякий раз подбавляя раствора потолще* (А.Солженицын).

Как известно, в безличных предложениях, в которых функционируют указанные предикативы, «безличное сказуемое изображает деятельность без деятеля» [Зарецкий 2008: 567], что создает ослабление связи между

субъектом действия и действием и соответственно приводит к частотной реализации предикативами *можно/нельзя* значений объективной возможности.

Таким образом, центром поля возможности является лексико-грамматический разряд модальных модификаторов. Доминанту поля составляет языковой элемент *мочь* (и его отрицательный коррелят *не мочь*), который отличается от всех остальных единиц поля способностью выражать все типовые ситуации и их варианты. Употребление данных языковых элементов в речи в несколько раз превышает употребительность всех остальных единиц поля вместе взятых. Модификаторы *можно* и *нельзя* также входят в состав ядра поля как наиболее специализированные и регулярно употребляющиеся средства выражения данной семантики. Семантика данных модальных модификаторов соотносима лишь с ситуацией внешней возможности.

5.2. Ближняя периферия функционально-семантического поля возможности

Ближнюю периферию микрополя возможности в русском языке формирует широкий набор лексических и грамматических экспликаторов, составляющих в нем в совокупности 39,4%.

К лексическим экспликаторам относятся модальные глаголы *уметь/суметь, удаваться/удаться, осмелиться - ... бояться, умудриться, научиться*; модальные предикативы *возможно, невозможно, вправе, разрешено, запрещено*, предикативные наречия *трудно, тяжело, сложно, легко, просто*, глагольно-именные сочетания *быть в состоянии, быть в силах*, а также глагольно-именные сочетания с лексемами *возможность, право*, прилагательные *способен, готов* [Беличова-Кржижкова 1984: 53].

В числе средств отдельного выражения модального значения возможности/невозможности низкой частотности выделяется группа языковых средств, представляющих частное значение внутренней

возможности/невозможности «(не) иметь смелость выполнить действие». Это модификаторы *осмелиться, бояться, сметь, посметь, отважиться, дерзнуть. Да на твоей стене смотри льду сколько! **Боюсь**, к вечеру не успеешь* (А.Солженицын). *Ох, беда! Зачем ты ему водку носишь? - **Боюсь**, обидится, уйдет* (И.Грекова).

Языковые элементы *умудриться, ухитриться, изловчиться, приладиться, приспособиться, приноровиться*, представляют значение внутренней возможности, связанной с некими способностями и умениями. Своим значением данные языковые элементы указывают на определенный характер качеств субъекта, выступающего предопределяющим фактором возможности: *Правда, скоро такую практику пришлось прекратить: однажды Матвей, оставленный в одиночестве, **ухитрился** выбраться из кровати* (И.Грекова). *Сенька **приноровился** рубить лед то обухом, то лезвием, так, что брызги разлетались вокруг* (А.Солженицын). *Шухов **приспособился** мастерком захватывать дымящий раствор и бросать его на то место, где прошел нижний шов* (А.Солженицын).

Языковой элемент *научиться* реализует значение «приобрести навыки, умение делать, понимать, чувствовать что-либо» и подчеркивает не исконный, а приобретенный характер умений: *Скоро я **научился** так рисовать, чтобы было красиво* (И.Грекова). Противоположный по значению языковой элемент *разучиться* - «утратить навыки, умение делать что-либо» - представляет, в отличие от *научиться*, ситуацию, в которой нет контроля субъекта над осуществлением действия: *Тянуть по трапу и круто и оступчиво он и **не научился**. Шухов его подгонял легонько* (А.Солженицын).

Выразителями модального значения возможности выступают слова *трудно, сложно, просто, легко, немыслимо и т. п.* Данные языковые элементы реализуют значение внутренней возможности: «об отсутствии физических, душевных сил, или способностей для выполнения чего-либо», «о наличии каких-либо трудностей, или помех для осуществления чего-либо».

В безличных предложениях называется не само действие, а как бы только его возможность. Такая возможность взвешивается и получает дополнительную экспрессивную оценку: *Но мужа не было уже пятнадцать лет, с начала войны, и трудно было теперь добыть те справки с разных мест о его стаже* (А.Солженицын). Языковой элемент *трудно* по семантике близок к невозможности, но, в то же время, не исключено, что в других обстоятельствах, в изменившихся условиях эта возможность может и наступить [Беличова-Кржижкова 1984: 49].

К грамматическим средствам выражения значения возможности относятся отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, инфинитивные предложения, риторический вопрос, сложноподчиненные предложения цели. Среди глагольных групп выделяются глаголы изъявительного наклонения, способные без участия инфинитива реализовать модальность возможности (частотность их употреблений в рассматриваемом микрополе возможности составляет 1,9 %). При этом, как отмечает С.С.Ваулина, «обуславливающим элементом его конкретных реализаций чаще всего является лексическое значение соответствующего глагола» [Ваулина 2006: 9].

Таким образом, ближнюю периферию микрополя возможности в современном русском языке формирует широкий набор лексических и грамматических экспликаторов. К лексическим экспликаторам относятся модальные глаголы, модальные предикативы, предикативные наречия, глагольно-именные сочетания. К грамматическим средствам выражения значения возможности относятся отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, инфинитивные предложения, риторический вопрос, сложноподчиненные предложения цели.

5.3. Дальняя периферия функционально-семантического поля возможности

Дальняя периферия рассматриваемого поля формируется достаточно пестрым набором лексических средств выражения значения возможности и немногочисленными грамматическими экспликаторами, частотность реализации которых в совокупности составляет 8,7% [Васильев 1973: 57].

К числу лексических экспликаторов значения возможности относятся модальные глаголы *осмелиться, отважиться, посметь, решиться, рискнуть, дерзнуть, позволять / позволить, допускаться*, глагольно-именные сочетания с лексемами *шанс, полномочия, основание, ум, разум, талант, воля*, глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием *сила воли*, отрицательные местоимения *ничего, никого*, местоименные наречия *некуда, незачем, негде, некогда*.

Хотя границы между ближней и дальней периферией ФСП имеют неопределенный, расплывчатый характер, тем не менее условную линию разграничения можно провести, руководствуясь критерием «лексическая экспликация модального значения возможности/невозможности» - «грамматическое выражение средств модального значения возможности/невозможности». Типы грамматического контекста имеют ограниченную способность к передаче ситуации возможности. Характер этой ограниченности может быть разноплановым: семантическим, формально-грамматическим (например, некоторые глаголы в изъявительном наклонении способны актуализировать модальное значение возможности лишь в определенных аспектуально-временных рамках; «наведение» модальной семантики находится в зависимости и от определенных типов сложных конструкций).

Неязыковые средства ограничивают регулярность выражения модального значения возможности/невозможности. Также разнообразная разговорная лексика может выступать экспликатором модального значения возможности/невозможности лишь в коммуникативных ситуациях особого рода [Васильев 1973: 60].

Немаловажным фактом в грамматическом контексте являются формы глагольного наклонения. Изъявительное наклонение наряду с объективной модальностью может передавать и другие дополнительные модальные значения:

а) Будущее время. *Регулярное применение масла **может** избавить от легкой формы изжоги* (И.Грекова). В данном примере форма глагола будущего времени реализуют значение возможности, когда осуществление нефактического действия представляется затруднительным [Васильев 1973: 58].

б) Форма 2-го лица единственного числа настоящего-будущего времени. *Ради спокойствия в доме чего **не сделаешь**?* (И.Грекова). *Если **встанешь** первым, то **поможешь** остальным* (И.Грекова). Эти средства употребляются достаточно часто и выражают, в большей степени, значение невозможности, не соотнесенное с конкретным субъектом.

в) Форма настоящего времени, выступающая в функции выражения постоянного потенциального умения или представляющие модальное значение возможности/невозможности с оттенком обычности действия. *Ему столько лет, сколько люди в принципе **не живут*** (И.Грекова).

г) Частицы *едва ли, чуть не, все-таки, таки*.

В предложениях, где реализуется значение близкого к выявлению, но не выявившегося признака используются частицы *чуть (было) не, едва не*. Это соответствует модальному значению нереализованной, но имевшей место в прошлом возможности: *Линия шла с крутым уклоном на полустанок, а **чуть** дальше проходила железная дорога* (А.Платонов). *Чего наш-то бронепоезд плохо бьет; **все-таки** он знает прицел, давно бы их сшибить можно* (А.Платонов). *Едва ли с броневика матросов дадут, - никак не соглашался Зворычный* (А.Платонов).

д) Специфические экспликатеры значения возможности или невозможности. Эта группа языковых средств представлена изобразительно-выразительными средствами: риторическими вопросами, эвфемизмами и

параллелизмом в построении предложений. Такие специфические экспликативы значения возможности или невозможности показывают имплицитный способ выражения [Беляева 1985: 174].

Фразеологические единицы, выступающие экспликативами модального значения возможности/невозможности, объединены присутствием в значении семы «(не)возможность»: *ума не приложу* - «не могу, не в состоянии сообразить, понять, догадаться о чем-либо», *слова не идут с языка* - «не хватает решительности сказать что-либо», *шагу нельзя ступить* - «невозможно самостоятельно, свободно сделать что-либо», «невозможно обойтись без чего-либо», *руки развязаны* - «кто-то имеет полную свободу поступать как-либо» и т. д. Например: *В сырой тесной каморке было все завалено какими-то ящиками, коробками, так, что шагу нельзя ступить было* (М.Пришвин). *А ветер нажимает на деревья и разносит их вой и стон. Ума не приложу. Кому он служит?* (М.Пришвин).

Риторические вопросы так же играют определенную роль в невербальном выражении модального значения возможности/невозможности. *И зачем все это ему нужно?* (И.Грекова). *Нужно кто еще сюда может прийти?* (И.Грекова). В данных примерах риторический вопрос выполняет функцию значения «эмоционального утверждения невозможного» [Беляева 1985: 177].

Резюмируем сказанное, в качестве конститuentов центральной зоны микрополя возможности в русском языке выступают лексема *мочь*, предикативы *можно и нельзя* в сочетании с зависимым инфинитивом. Доминантой центральной зоны микрополя возможности является лексема *мочь* - быть в состоянии, в силах что-либо делать; иметь возможность что-либо сделать.

Ближнюю периферию микрополя возможности в русском языке формирует широкий набор лексических и грамматических экспликативов: модальные глаголы *уметь/суметь, удаваться/удаться, осмелиться* - ... *бояться, умудриться, научиться*; модальные предикативы *возможно,*

невозможно, вправе, разрешено, запрещено, предикативные наречия *трудно, тяжело, сложно, легко, просто*, глагольно-именные сочетания *быть в состоянии, быть в силах*, а также глагольно-именные сочетания с лексемами *возможность, право*, прилагательные *способен, готов* [Беличова-Кржижкова 1984: 53]. К грамматическим средствам выражения значения возможности относятся отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, инфинитивные предложения, риторический вопрос, сложноподчиненные предложения цели [Ваулина 2006: 10].

Периферийные средства выражения значения возможности имеют осложненный смысл: на смысл «возможность» наслаиваются другие семантические составляющие - «предположение», «сомнение», «вероятность».

Дальняя периферия рассматриваемого микрополя формируется достаточно пестрым набором лексических средств выражения значения возможности и немногочисленными грамматическими экспликаторами [Васильев 1973: 57]. К числу лексических экспликаторов значения возможности относятся модальные глаголы *осмелиться, отважиться, посметь, решиться, рискнуть, дерзнуть, позволять / позволить, допускаться*, глагольно-именные сочетания с лексемами *шанс, полномочия, основание, ум, разум, талант, воля*, глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием *сила воли*, отрицательные местоимения *ничего, никого*, местоименные наречия *некуда, незачем, негде, некогда*.

Типы грамматического контекста имеют ограниченную способность к передаче ситуации возможности. Здесь важную роль играют формы глагольного наклонения: форма 2-го лица единственного числа настоящего-будущего времени, форма настоящего времени, выступающая в функции выражения постоянного потенциального умения или представляющие модальное значение возможности/невозможности с оттенком обычности действия. С частицами *чуть (было) не, едва не* строятся предложения «со значением близкого к выявлению, но не выявившегося признака», что

соответствует модальному значению нереализованной, но имевшей место в прошлом возможности. Специфические экспликатory значения возможности или невозможности представлены группой средств, включающих в себя фразеологические обороты и стилистические фигуры [Беляева 1985: 174].

Определенную роль в невербальном выражении модального значения возможности/невозможности играют риторические вопросы, которые выполняет функцию значения «эмоционального утверждения невозможного» [Беляева 1985: 177].

Таким образом, модальность возможности и невозможности входит внутрь пропозициональной синтаксической структуры и отражает потенциальный (возможный или невозможный) характер связи субъекта и предиката в предложении.

Модальность - это совокупность отношений и действий, описание которых необходимо включает языковой элемент *мочь*. Именно понятие *мочь* является общим элементом таких основополагающих модальных категорий, как возможное, необходимое и случайное (бытийные, или «онтические» модальности); предположение, уверенность и сомнение (познавательные, или «эпистемические» модальности) [Беляева 1990: 214].

Языковой элемент *мочь* является центральным в определении модальной специфики суждений и всего круга модальностей - как онтических и эпистемических, включающих предикаты *быть* и *знать*, так и чисто потенционных, основанных лишь на предикате *мочь* [Бахтин 1979: 424].

Модальность возможности представлена как функционально-семантическая категория, структура которой основана на принципе функционально-семантического поля. Элементы в составе поля группируются в рамках координат «центр-периферия». Центр ФСП возможности характеризуется сосредоточением специфических для данной категории признаков. Периферия отмечена «разреженностью» базисных

признаков, переходными случаями, меньшей употребительностью средств. Периферийные средства возможности выражают осложненный смысл. На смысл «возможность» наслаиваются другие семантические составляющие: смысл «предположение», смысл «вероятность», смысл «сомнение». Кроме того, целый ряд периферийных конstituентов эксплицирует совмещенные модальные значения, принадлежащие к плану содержания различных микрополей, что служит наглядным свидетельством диффузности и взаимопроницаемости их границ [Федорова 2000:84].

Глава II. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА «ВОЗМОЖНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§1. Языковые средства реализации смысла «возможность»

1.1. Лексико-грамматические средства и способы

Семантика возможности в русском языке выражается различными средствами, принадлежащими к разным уровням языка: синтаксическому, морфологическому и лексическому. Основным средством является разряд модальных модификаторов лексических единиц, передающих грамматическое отношение возможности в составе синтаксического комплекса сказуемого [Маковка 1972:266]. К грамматическим средствам выражения значения возможности относятся отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, инфинитивные предложения, риторический вопрос, сложноподчиненные предложения цели.

Центром поля возможности является лексико-грамматический разряд модальных модификаторов. Доминанту поля составляет лексема *мочь* (и его отрицательный коррелят *не мочь*), который отличается от всех остальных, единиц поля частотой употребления в речи, шириной семантического

объема. Семантика модальных модификаторов *можно и нельзя* соотносима лишь с ситуацией внешней возможности, однако они также входят в состав ядра поля как наиболее специализированные и регулярно употребляющиеся средства выражения данной семантики. Языковые элементы *можно и нельзя* употребляются в значении: *разрешается, позволено, нельзя нет возможности, невозможно, не разрешается, не дозволено*. Например: *Девушка пошла вперед, указывая дорогу инженеру, хотя заблудиться было невозможно: однако она желала быть благодарной* (А.Платонов). *И так создается крепкое место, или даже, можно сказать, волчья крепость* (М.Пришвин).

Лексема *мочь*, выступая в различных контекстах, передает весь спектр модальной семантики возможности:

Значение (не) иметь возможность выполнить действие: *«Перевод - необычайно сложное искусство, но именно в этом случае носитель иного языка и иной культуры может в идеальной форме получить то, что переводимый поэт хотел выразить в произведении»* (Acta 12, с. 178). *«Лингвистический анализ может проводиться на уровне слогана, и в этом случае возможно обнаружение функциональных и структурных особенностей языковых единиц, характерных именно для данного текста»* (Acta 12, с.222).

При реализации данного частного значения в высказывании могут указываться условия, способствующие или препятствующие выполнению действия. Ср.: *«Канцлер Германии Ангела Меркель могла упасть при катании на лыжах из-за их плохого состояния»* (РГ, 06.01.2014); *«Это средние показатели. Они могут меняться, в зависимости от некоторых причин»* (АиФ, 30.11.2012).

Значение (не) иметь право выполнить действие: *«Суд может принять решение о переносе дела на другой срок»* (РГ, 11.02.2011); *«Уровень софинансирования расходного обязательства субъекта Российской Федерации не может быть установлен выше 95 и ниже 5 процентов»*

расходного обязательства субъекта Российской Федерации» (РГ, 20.01.2012).

Реализация лексемой *мочь* частного значения (не) иметь право для выполнения действия, в связи с наличием (или отсутствием) соответствующих законов юридического характера преобладает в официально-деловых текстах, что представляется вполне логичным, поскольку официально-деловой текст содержит преимущественно материалы об общих нормах поведения, рекомендациях, запретах и т.п. [Сологуб 2009: 225].

Следует заметить, что для конструкций, в которых актуализируется указанное частное значение, как правило, характерны основные черты официально-делового стиля, а именно «нейтральность, отсутствие эмоциональности, полнота и точность формулировок» [Кушнерук 1999: 96]. Ср.: *«Причиной послужило превышение заявленного тиража агитационных материалов приблизительно на 140 тысяч рублей. При этом с выборов по закону **могут** снять за превышение уже в 50 тысяч рублей»* (АиФ, 22.09.2012) = «имеют право снять»; *«Традиционно фольклором **может** считаться только то, что имеет отношение к крестьянам и удовлетворяет критерию устности»* (Акта 11, с.269) = «вправе считаться фольклором».

Указанное значение довольно часто совмещается со значением долженствования запрета, что особенно отчетливо прослеживается при его реализации в отрицательной форме. Ср.: *«Обычные граждане **не могут** пользоваться незарегистрированным огнестрельным оружием по соображениям безопасности»* (РГ, 05.12.2013) = «не имеют права / не должны пользоваться»; *«Несовершеннолетний подросток **не может** привлекаться к уголовной ответственности за тяжкие правонарушения»* (РГ, 11.02.2011) = «не имеет права / не должен привлекаться»; *«Граждане РФ **не могут** быть приняты на военную службу, федеральную, государственную, гражданскую службу или на работу в органы*

государственной охраны ... по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации» (РГ, 14.12.2011) = «не имеют права / не должны приниматься».

Значение (не) быть в состоянии выполнить действие, реализация которого обусловлена факторами психологического или физического состояния субъекта, указанными в контексте. Например: *«Обабия Айша Аджиболы из Нигерии стала победительницей конкурса красоты «Мусульманка мира»... Девушка **не могла** сдержать слез радости» (РГ, 20.09.13). «Решая вопрос о передаче несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, суд должен убедиться в том, что указанные лица имеют положительное влияние на него, правильно оценивают содеянное им, **могут** обеспечить его надлежащее поведение и повседневный контроль за ним» (РГ, 11.02.2011).*

Значение (не) иметь способность выполнить действие, реализация которого связана с наличием или отсутствием умений, навыков субъекта. Например: *«По этой причине цветоводы **не могут** добиться достаточного увлажнения почвы» (КП, 28.01.2010). «Спустя несколько лет они **могут** пересадить это растение в открытый грунт» (АиФ, 22.10.2013). «Всю жизнь я терпеть **не мог** риторику и эстраднический пафос, игры в гражданскую позицию поэта рождали у меня зубовный скрежет и идиосинкразию (РГ, 25.05.2009). Реализация двух последних значений, о чем свидетельствуют и вышеприведенные примеры, преимущественно наблюдается в конструкциях, извлеченных из газетных текстов.*

Отдельно следует отметить специфику функционирования глагола *мочь* в страдательных конструкциях, которые представляют действие, в определенной степени отстраненное от субъекта. Субъект действия в предложениях с подобными конструкциями, как правило, не известен, мыслится обобщенно, что придает реализуемому в них значению возможности особую объективность. Данные конструкции широко распространены в текстах научного и официально-делового стилей, что

представляется вполне закономерным, поскольку содержание научной литературы по определению должно отражать объективные результаты познания действительности, а официально-деловые документы предельно безлично и объективно фиксировать выражение правовой воли. Например: «Нас интересует функциональное и семантическое разнообразие наиболее употребительных языковых средств, а не раритетные специфические единицы, которые **могут** быть описаны в отдельном исследовании» (Аста12, с. 225) = «есть возможность описать». «Интертекстуальность осложняет процесс общения автора и читателя, ибо эти многомерные интертекстуальные связи **могут** быть восприняты только очень подготовленным читателем» (Аста11, с. 255) = «в состоянии воспринять». Лица, нарушившие нормы, регулирующие получение, обработку и защиту персональных данных **могут** быть признаны виновными (РГ, 11.02.2011) = «имеют права признать». «К остальным участникам правонарушения **могут** быть применены другие меры наказания (РГ, 11.02.2011) = «имеют право применить».

Языковой элемент *смочь* в значении *быть в состоянии, в силах сделать что-либо; иметь возможность, получить возможность* в толковых словарях русского языка (например: МАС; Сл. Ожегова/Шведовой) представлен в качестве видовой пары к языковому элементу *мочь*.

Авторы «Теории функциональной грамматики», отмечают, что «в русском языке, для модальных модификаторов возможности в целом не характерна видовая соотносительность; существует лишь один глагол *смочь*, соотносительный с глаголом *мочь*» [ТФГ: 129].

Глагол *смочь* в форме прошедшего времени указывает на то, что действие было не только возможным, но и на самом деле осуществилось, то есть возможность реализовалась. Здесь значение действительности соединяется со значениями результативности [Барентсен 2002: 27].

Лексема *смочь* предполагает, что субъект предпринял какие-то попытки, чтобы принять решение и совершить действия [Беляева 1990: 229;

Шатуновский 1996: 212, Барентсен 2002: 15]. Ср.: *«Прошлой осенью он пригласил на свой объект строительную бригаду и уже к весне смог достроить свой дом (РГ, 08.05.2013); «Он так и не смог смириться с тем, что лишился великого и прекрасного дара, который дала ему природа» (РГ, 23.07.2013); «Ни возраст, ни перенесенные заболевания не смогли повлиять на его общее состояние» (РГ, 20.07.2014).*

Глагола *смочь* в форме будущего времени указывает на «различия между вероятной и актуальной возможностью» [Барентсен 2002: 19]. Эти различия менее ощутимы, поскольку будущие действия сами по себе вероятны. При этом глагол *смочь* в форме будущего времени имеет дополнительный оттенок возможности – возможность, осуществление которой в будущем не вызывает сомнений. Например: *«Благодаря пчелиному воску, все компоненты крема **смогут** хорошо сохраниться в активной форме и максимально взаимодействовать друг с другом» (АиФ, 28.08.2012); «Как всегда, на помощь человеку пришла природа – ведь только она **сможет** естественным образом восстановить то, что разрушила цивилизация» (АиФ, 10.11.2012).*

Безличные предложения широко употребляются в различных функциональных стилях, но именно в научном стиле наблюдается значительное преобладание такого типа предложений над другими, поскольку отсутствие «внешней реализации компонента - исполнитель потенциального действия» позволяет автору научного текста отстраниться от своего текста, «чтобы придать больший вес сообщению, объективизировать его» [Валгина 2003: 103].

Приведенные научные мнения согласуются с выводом С.С. Ваулиной о том, что основу научных текстов «составляет именно объективная модальность, сообщающая о реальном положении дел» [Ваулина 1988: 307]. Во многих зафиксированных конструкциях указанный языковой элемент сохраняет свое значение вероятности, возможности осуществления действия. *«Внутри каждого вида **можно** выделить подвиды, например, телереклама*

существует в форме рекламного блока, рекламы в студии во время ток-шоу, рекламы во время прогноза погоды и т.п.» (Acta12, с. 220).

Таким образом, центром поля возможности является лексико-грамматический разряд модальных модификаторов. Доминанту поля составляет глагол *мочь* (и его отрицательный коррелятор *не мочь*). Языковой элемент *мочь*, выступая в различных контекстах, передает весь спектр модальной семантики возможности. Лексема *мочь*, реализующая значение *(не) иметь право для выполнения действия*, преобладает в официально-деловых текстах. Реализация значений *(не) иметь способность выполнить действие* и *(не) быть в состоянии выполнить действие* преимущественно наблюдается в текстах, извлеченных из газет.

Языковой элемент *мочь* в страдательных конструкциях часто встречается в текстах научного и официально-делового стилей. Безличные предложения в большей степени зафиксированы в научном стиле.

Ближнюю периферию микрополя возможности в русском языке формирует широкий набор модальных модификаторов. К ним относятся языковые элементы *уметь/суметь, удаваться/удаться, возможно, невозможно, вправе, разрешено, запрещено, трудно, тяжело, сложно, легко, просто*, глагольно-именные сочетания *быть в состоянии, быть в силах*, а также глагольно-именные сочетания с лексемами *возможность, право*, прилагательные *способен, готов*.

Языковой элемент *уметь* (3,4%) актуализирует частное значение субъективной возможности *(не) иметь способность выполнить действие*, что подтверждается его словарной дефиницией *обладать умением делать что-либо благодаря знаниям или навыку к чему-либо*. И.Б. Шатуновский отмечает, что в русском языке лексема *уметь* «сочетается только с контролируемыми пропозициями, обозначающими какую-либо деятельность, и требует поэтому одушевленного субъекта» [Шатуновский 1996: 298].

Модификатор *уметь* наиболее регулярно выступает в настоящем узуальном времени. Например: *«Американский фокусник Кевин Джеймс*

умеет, как и *Старр*, показывать трюки с монетами ...» (АиФ, 21.11.2012); «Я путешествовал по Австралии, где каждый небольшой город имеет свой праздник. Где-то отмечают День краба, где-то – рыбы, барана, страуса, кенгуру. Австралийцы **умеют** проводить праздники» (РГ, 18.06.2011).

Употребляясь в прошедшем времени, глагол *уметь* также передает постоянные свойства субъекта. Например: «Австралийские ученые считают, что неандертальцы **умели** говорить подобно людям» (РГ, 24.12.2013); «Они рассказали, что тот был все время на берегу, так как **не умел** плавать» (РГ, 17.06.2013).

Наиболее регулярно языковой элемент *уметь* выступает в газетно-публицистических текстах и довольно редко реализуется в научных текстах, что, по всей вероятности, связано с более частотным выражением объективной возможности в научной литературе. В официально-деловых документах встречаются конструкции модификатор значения необходимости + *уметь*+ инфинитив, выражающие обязательные навыки, которыми должен обладать субъект. Например: «Работник **должен уметь**: 1) разрабатывать внутренние организационно-распорядительные акты в области обеспечения транспортной безопасности...» (РГ, 21.08.2014), «Эксперт **должен уметь**: проводить анализ, систематизировать и обобщать информацию...» (РГ, 25.01.2012).

Модификатор *суметь* имеет дополнительный элемент семантического объема, отсутствующий у модификатора *уметь*, а именно компонент приложения усилий, который сближает данный языковой элемент с модификатором *удаться*. Наличие данного оттенка значения отмечают также исследователи [Петров 1982: 60; Федорова 2000: 89].

И.Б. Шатуновский замечает, что *суметь* гораздо шире по своему значению, чем *уметь*, и практически совпадает по кругу употреблений с *смочь*» [Шатуновский 1996: 215].

Модификатор *суметь* передает «возможность, связанную с конкретной задачей в определенный момент» [Барентсен 2002: 23]. Для

решения данной задачи необходим набор благоприятных условий, при глаголе *суметь* под этими условиями предполагаются «личные качества исполнителя» [Там же: 24]. Положительная форма глагола предполагает, что задача, выраженная зависимым инфинитивом, была выполнена успешно. Ср.: «Сергей Петрович **сумел** сделать так, чтобы вопросы науки привлекли массовую аудиторию на телевидении» (РГ, 15.08.2012); «Драконы сразу же ринулись к воротам и **сумели** забить быстрый гол» (РГ, 09.04.2009).

Языковой элемент *суметь* несколько регулярнее употребляется в научных текстах, что связано с более емкой семантикой данного экспликатора. Ср.: «Будущие академики, ученые, чьи имена знает теперь весь мир, **сумели** тогда побороть невероятные трудности» (РГ, 08.05.2009); «Его заслуга в том, что он первый **сумел** вывести формулу скорости движения ракеты» (РГ, 14.04.2012).

Языковые элементы *удаваться/удаться осуществиться, завершиться удачно, успешно; представиться, оказаться возможным*, функционируя преимущественно в газетно-публицистических текстах и, реже, – в научных (2,6%), актуализируют значение субъективной возможности, связанной с преодолением трудностей. Данный семантический элемент в модальном значении указанных глаголов также отмечается исследователями [Федорова 2000: 89; Рыболовлев 1989: 23; Чернова 1982: 57]. Иногда указание на наличие определенных трудностей при осуществлении действия содержится в самом высказывании-предложении. «Евгения Чирикова оценивает свои шансы на победу в 76%, однако по оценкам экспертов едва ли ей **удастся** перетянуть большую часть голосов на себя в борьбе с Митводем (АиФ, 22.09.2012); «В рассказе идет речь о выпускнике средней школы, которому очень нравилась биология и, поэтому, когда ему **удалось** поступить в институт, набрав для этого необходимое количество проходных баллов, он был очень рад...» (АиФ, 15.09.2014).

Кроме того, следует заметить, рассматриваемые языковые средства выражают значение возможности «с имплицитным присутствием сем

желательности действия и попытки его осуществления субъектом» [Федорова 2000: 88], т.е. способны актуализировать совмещенное значение возможности и желательности. Ср.: *«После войны Чижикю-Катари удалось избежать смертной казни, скрывшись под другим именем в Канаде»* (АиФ, 18.07.2012) = «хотел и смог избежать смерти, предприняв попытки это осуществить»; *«Если взять все тенденции, связанные с загрязнением атмосферного воздуха, то в принципе удалось переломить ситуацию. Достигнуть этого удалось за счет выполнения областной долгосрочной программы природоохранных мероприятий»* (РГ, 20.09.2007) = «хотели переломить ситуацию, смогли этого достигнуть».

Среди глагольных групп выделяются глаголы изъявительного наклонения, способные без участия инфинитива реализовать модальность возможности (частотность их употреблений в рассматриваемом микрополе возможности составляет 1,9 %). При этом, как отмечает С.С. Ваулина, «обуславливающим элементом его конкретных реализаций чаще всего является лексическое значение соответствующего глагола» [Ваулина 2006: 20]. С учетом наличия в значении глагола тех или иных модальных сем можно выделить несколько групп глаголов изъявительного наклонения, которые были зафиксированы преимущественно в газетно-публицистических и научных текстах:

-Языковые элементы с семантикой способности, умения субъекта, реализующие модальное значение *(не) иметь способность выполнить действие*. К данной группе относятся лексемы, характеризующие умственные способности субъекта: *понять уяснить себе, усвоить смысл чего-либо, заметить воспринять зрением, увидеть, приметить, обратив внимание, отметить в уме какие-либо признаки, запомнить, видеть сознавать, понимать, чувствовать*. Например: *«Но мы прекрасно понимаем, что именно чувство ответственности за свою семью позволило ему пойти на крайние меры»* (РГ, 20.12.13) = «мы можем / способны понять»; *Возможно, он не понял всей сложности предстоящей ему работы* (РГ,

21.06.14) = «не смог / был не способен понять»; *«Необходимо отметить, однако, что несмотря на то, что вызванные потенциалы позволяют очень точно определить тот момент времени, в который мозг заметил разницу между двумя стимулами, вызванные потенциалы сами по себе не объясняют, что означают эти различия...»* (АиФ, 13.11.2014) = «смог / был способен заметить».

При этом следует отметить, что модальное значение возможности, выраженное глаголами изъявительного наклонения в настоящем времени «часто приобретает характер объективно обусловленной возможности, возникающей в силу постоянства соответствующего признака субъекта» [Ваулина 2006: 19]. *Эффективное развитие информационной культуры учащихся педагоги **видит** в использовании новых компьютерных технологий в учебном процессе* (РГ, 23.12.2013) = «могут / способны видеть»

-Языковые элементы, содержащие сему «сохранять свои качества в экстремальных ситуациях» [Федорова 2000: 66] и актуализирующие частное значение возможности *(не) быть в состоянии выполнить действие*. К ним относятся лексемы, обозначающие действие, осуществление которого требует определенного психического или физического состояния субъекта: выдержать стойко, перенести до конца, вытерпеть, выжить остаться в живых, перенести, пережить. Например: *«Это и неудивительно: широкие обобщения и глобальные теории редко **выдерживают** проверку на большом эмпирическом материале»* (ВЯ No 4, с. 102) = «могут / в состоянии выдержать»; *«Все остальные члены экипажа **выжили**, благодаря сплоченным действиям* (АиФ, 04.01.2014) = «смогли / были в состоянии выжить»; *«В дороге и на чужбине от голода, холода и болезней погибли почти все дети Каруевых, **выжили** только дочь 1933 года рождения и младший сын»* (РГ, 07.07.2011) = «смогли / были в состоянии выжить».

-Языковые элементы, содержащие в своем значении сему *успешность*. Примером может служить глагол *достичь добиться чего-либо своими усилиями, приобрести, получить желаемое, реализующий значение (не)*

иметь способность выполнить действие. Например: «Компании Третьей волны не увеличивают свои прибыли посредством выжимания пота из своих рабочих. Они **достигают** цели не тем, что делают труд более тяжелым, а тем, что работают более умело» = «они могут / способны достичь цель»; (РГ, 07.09.2012). «Здесь уместно привести сравнение с тем, как маленькие дети научаются говорить, (...) отметив попутно, что карликовые шимпанзе и попугаи в той или иной степени **достигают** успехов в общении с нами при наличии мотивации действовать в соответствии с такой верой» (ВЯ No 6, с. 138) = «могут / способны достичь»; «В книге был сделан вывод, что предположение о создании «Слова» фальсификатором-лингвистом предельно маловероятно, поскольку он должен был обладать научными знаниями, которых его коллеги **достигли** лишь на один-два века позже (ВЯ No 5, с. 3) = «смогли / были способны достичь».

Особый интерес представляют предложения с глаголом совершенного вида в форме 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения. Исследователи отмечают, что эксплицируемое данной глагольной формой модальное значение (не)возможности, как правило, не соотнесено с конкретным субъектом [Островерхая 2004: 202; Федорова 2000: 89]. Подобные конструкции характерны как для разговорного, так и для газетно-публицистического стиля, которому свойственна экспрессивность. Ср.: «Пока **не попробуешь** сам, **не поймешь**, насколько это замечательная штука» (АиФ, 22.02.2013); «Не зря именно сюда приезжают лечиться спортсмены-горнолыжники - лучшего места для восстановления **не найдешь**» (АиФ, 17.11.2011); «Жизнь прекрасна! Это **понимаешь**, когда попадаешь в маленький, уютный Озерск, с его булыжными мостовыми, крохотными узкими улочками и старинной архитектурой...» (КП, 13.10.2012).

Модификаторы *возможно* и *невозможно*, частотность функционирования которых в рассматриваемом микрополе составляет 5,1%, имеют следующие словарные дефиниции: *возможно* *есть*, *имеется*

возможность; можно, невозможно нет возможности, нельзя – и реализуют частные значения объективной возможности, детерминированной внешними факторами. Данные модальные модификаторы, как и рассмотренные нами выше языковые элементы *можно и нельзя*, передают «объективированный, обезличенный характер» возможности, «причем присутствие субъекта в семантике предложения становится ... «призрачным» [Федорова 2000: 95].

Модификатор *возможно* зафиксирован в различных функциональных стилях, однако наиболее регулярно реализуется в научных и официально-деловых текстах. Например: «*Таким образом, **возможно** выделить два типа преобразований ФЕ-идиом - во-первых, это регулярные трансформации, предусмотренные или обусловленные языковой нормой; во-вторых, это намеренные деформации индивидуально-авторского характера*» (Акта 12, с. 254); «*Путем выявления частотных лексико-грамматических единиц, функционирующих в рекламе, и их функционально-семантического анализа **возможно** выявить смыслы, формирующие когнитивное ядро...*» (Акта 12, с. 222); «*Применение к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу **возможно** лишь в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления*» (РГ, 11.02.2011).

В официально-деловых документах модификатор *возможно* как правило выступает в конструкциях с отглагольным существительным, поскольку данному стилю в целом свойственно частотное употребление отглагольных существительных, которые часто становятся словесными трафаретами. Ср.: «*Разглашение такой информации **возможно** лишь с согласия указанных лиц и (или) их законных представителей*» (РГ, 11.02.2011); «*Изменение контракта **возможно** по соглашению сторон, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом*» (РГ, 28.12.2013).

Языковой элемент *невозможно* регулярно реализуется во всех функциональных стилях. Например: «*Я категорически не согласен с*

утверждением, что при получении госзаказов **невозможно** обойтись без практики откатов» (АиФ, 21.01.2010); «Перепутать было **невозможно** - на крыше приземистого строения стояли желтый «Москвич» и голубая «Волга» (КП, 17.10.2013); «Дилетантство - это и понимание высокой игры, не маскарада, а духовной игры, ибо безусловно счастливым и **невозможно** быть в осознаваемой реальности» (Аста13, с.158).

Модификаторы *разрешено/разрешается* - позволить что-либо сделать, дать разрешение; *запрещено/запрещается* - не разрешить делать что-либо, воспретить. Частотность функционирования которых составляет 1,7%, выражают частное значение объективной возможности (не) иметь право выполнить действие, выступая главным образом в официально-деловых текстах. Например: «В ходе осуществления частной охранной деятельности **разрешается** применять огнестрельное оружие и специальные средства только в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Законом» (РГ, 26.12.2008); «При этом в одних странах таким родителям **не разрешено** усыновлять детей, а в других - можно» (РГ, 13.06.2013); «Гражданскому персоналу органов государственной охраны **запрещается** заниматься предпринимательской деятельностью» (РГ, 14.12.2011).

Модификаторы *трудно, тяжело, сложно, легко, просто*, частотность функционирования которых в данном микрополе составляет 2,1%, способны актуализировать значения как объективной, так и субъективной возможности, наиболее регулярно реализуясь в газетно-публицистических и, реже, – научных текстах:

-Примеры реализации значения объективной возможности (не) иметь возможность выполнить действие: «**Сложно** достать, легко продать. Трудно извлекаемые запасы в будущем станут основой добычи во всем мире» (РГ, 16.06.2014); «О том, насколько **сложно** сегодня взыскивать долги, рассказал руководитель регионального Управления ФССП» (РГ, 04.12.2014); «Забив свою фамилию в «Банке данных исполнительных производств»,

довольно **просто** узнать, сколько задолжал ты, твоя супруга или друзья» (РГ, 26.07.2012).

-Примеры реализации значения субъективной возможности *(не) быть в состоянии выполнить действие*: «**Трудно** расставаться с вещами, которые служили верой и правдой не один год (АиФ, 29.03.2013); «Если ребенок одинаково успешен во многом, ему **сложно** из этого многообразия сделать выбор» (АиФ, 27.03.2013); «Многим людям, особенно пожилым, **непросто** понять, что игра идет по тем правилам, которые установлены законом, а не по тем, к которым они привыкли» (РГ, 01.08.2013).

Достаточно широко (2,1%) в рассматриваемом микрополе употребляются языковые элементы с лексемой *право* предоставленная кому-либо, чему-либо свобода, возможность действовать или пользоваться чем-либо, гарантированная государственными или какими-либо другими законами, постановлениями и т. п.; возможность действовать, поступать каким-либо образом; основание, причина: *иметь право, получить право, дать право* и т.п. (2,8 %).

Выражая частное значение объективной возможности *(не) иметь право для выполнения действия*, детерминированного юридическими законами, данные модификаторы преимущественно реализуются в официально-деловых документах. Например: «Если сумма, вырученная при реализации заложенного движимого имущества, недостаточна для покрытия требования залогодержателя, он **имеет право** получить недостающую сумму из прочего имущества должника» (РГ, 14.12.2011); «Суд **вправе** отстранить законного представителя несовершеннолетнего подсудимого от участия в судебном разбирательстве... (РГ, 11.02.2011); «В исключительных случаях суд **вправе** применить правила о назначении наказания несовершеннолетним и к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет» (РГ, 11.02.2011).

Более редкие случаи функционирования указанных модификаторов относятся к газетно-публицистическим текстам, где они эксплицируют

значение (не) иметь право для выполнения действия, обусловленное моральными нормами. Ср.: «После плодотворной рабочей недели вы **имеете** полное **право** так же хорошо отдохнуть» (РГ, 24.08.2013); Так тоже человек **имеет право** поступить, потому что пост, имея общие рекомендации для всех, все-таки для каждого человека всегда бывает совершенно индивидуальным» (АиФ, 29.11.2012).

Языковые элементы *быть в состоянии* и *быть в силах* реализуют частное значение субъективной возможности (не) *быть в состоянии* *выполнить действие* и - реже - значение объективной возможности (не) *иметь возможность* *выполнить действие*, обусловленной внешними факторами, и наиболее частотно встречаются в газетно-публицистических текстах (2,5 % и 1,7 % соответственно). Например: «Спокойно спят лишь хозяева могучих джипов: они знают, что груз свыше трех тонн эвакуатор **не в силах** поднять» (РГ, 27.02.2007) = «не в состоянии поднять в силу технических характеристик»; «Я **не в силах** смотреть в их собачьи глаза» (РГ, 29.03.2007) = «психологическое состояние субъекта не позволяет выполнить действие»; «**Не в силах** спокойно наблюдать, как погибает приятель, второй Калининградец бросился ему на выручку» (КП, 21.01.2014) = «психологическое состояние субъекта не позволяет выполнить действие»; «С другой стороны, многие, кто вправе открывать эти счета, просто **не в состоянии** этого делать - элементарно нет денег» (АиФ, 12.11.1013) = «не имеет возможности по причинам финансового характера»; «Салехи также сообщил, что Иран **в состоянии** производить до пяти килограммов подобного топлива в месяц» (РГ, 24.06.2010) = «имеет возможность выполнить действие в связи с наличием технических возможностей».

Довольно продуктивными экспликаторами частных значений микрополя возможности (2,9%) являются языковые элементы с лексемой *возможность* наличие условий, благоприятных для чего-либо, обстоятельств, способствующих чему-либо: *иметь возможность, дать возможность, получить возможность, есть возможность, нет*

возможности и т.п. Подобные языковые элементы характерны для различных функциональных стилей. Ср.: «*Раньше люди собирались на кухнях, теперь они хотят выразить свои мнения публично. Мы **даем** им такую **возможность***» (АиФ, 28.08.2012); «*Кроме того, у пилота **появляется возможность** сканировать окружающее самолет пространство и вести воздушный бой одновременно*» (РГ, 30.10.2008); «*Оценить бутилированную воду, которая продается в Башкортостане, **нет возможности***» (РГ, 18.04.2008); «*Несмотря на то, что уровень заработной платы на предприятии существенно выше среднероссийских и региональных показателей, работники **не имеют возможности** получить кредит для приобретения жилья*» (АиФ, 22.11.2012).

При этом для официально-деловых документов более характерны подобные девербативы. Например: «*Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел **обеспечивает** полиции **возможность** использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет*» (РГ, 08.02.2011); «***Существует** технологическая **возможность** снабжения тепловой энергией (мощностью), теплоносителем от источников тепловой энергии потребителей, которые являются сторонами договоров*» (РГ, 30.07.2010).

Языковой элемент *способен*, обладающий способностями к чему-нибудь; имеющий возможность, способность что-нибудь делать, в состоянии что-нибудь сделать (Сл. Ушакова), частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 2,7 %, преимущественно выражает возможность, обусловленную интеллектуальными, физическими или психологическими качествами субъекта, и регулярно реализуется во всех функциональных стилях. Ср.: «*Американские исследователи утверждают, что наш мозг является долгожителем. Он **способен** мыслить до 200 лет*» (РГ, 27.08.2013); «*Дети остаются еще во многом беспомощными, но они **бескорыстней**, чем взрослые. С большей готовностью **способны** прощать окружающим*» (РГ, 21.08.2014); «*Предоставление сведений, составляющих*

врачебную тайну (...) допускается: 1) в целях проведения медицинского обследования и лечения гражданина, который в результате своего состояния не способен выразить свою волю...» (РГ, 23.11.2011).

Языковой элемент *готов*, выражающий согласие, склонный, расположенный что-либо сделать, частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 2,3%, выражает значение субъективной возможности (*не*) *быть в состоянии выполнить действие*, в целом ряде случаев совмещенное, в соответствии со своей семантикой, со значением желательности, обусловленной предрасположенностью субъекта к выполнению действия. *«Дженнифер до сих пор любит Брэда и готова в любой момент возобновить с ним отношения»* (КП, 28.01.2010); *«Эта вакансия интересна для меня, и я готов выслушать ваши условия»* (АиФ, 19.07.2012); *«Источник из окружения Капелло отметил, что тренер готов приступить к работе с российской сборной»* (АиФ, 13.07.2012); *«Капитан сборной России по плаванию Евгений Коротышкин признался, что не готов отдать всего себя подготовке к ближайшим крупным летним стартам»* (РГ, 21.08.2014).

Отличительным свойством риторического вопроса являются «дифференциальные признаки вопросительных предложений (внешняя вопросительная форма) и повествовательных предложений (значение сообщения)» [Рагозина 2008: 108-109]. Такая двуплановость формы и содержания наделяет риторический вопрос значительной экспрессивностью. Относительно модальности риторических конструкций Е.В.Рагозина отмечает факт «процесса семантической трансформации, происходящий на уровне объективно-модального значения, в результате которого субъективная модальность обретает - переносное значение» [Рагозина 2008: 117]. На этом основании исследователь выделяет «специфический тип модального значения риторических вопросов - субъективно-объективно-модальное значение, характеризующееся рядом оттенков субъективной аффектации в каждой конкретной репрезентации» [Там же].

Частотность реализации риторического вопроса в рассматриваемом микрополе возможности составляет 1,7 %, а его функционирование, в силу присущей риторическому вопросу экспрессивности, особенно характерно для газетно-публицистических текстов. Ср.: *«Предлагают ввести православие в Конституцию. Зачем? **Что, в Бога все поверуют резко? Это ненужная инициатива»*** (РГ, 20.12.13); *«Одним из оснований для направления человека в СИЗО может стать опасение, что гражданин готовится сбежать. **Но как это доказать?»*** (РГ, 20.12.13); *«С окончанием холодной войны эти задачи стали менее актуальными, но, как говорится, **а если «завтра война?»*** (РГ, 07.12.2012); *«Я со всеми дружил. **Ну, почему меня так любят, если я авантюрист и оттяпываю чужое?»*** (АиФ, 23.10.2013); *«**Но разве такие люди, как Баталов - не национальное достояние? И разве их показания в таких делах не являются самым весомым аргументом и доказательством?»*** (АиФ, 23.10.2013).

Модальная емкость сложных, и в первую очередь, сложноподчиненных, предложений неоднократно отмечалась исследователями [Виноградов 1950; Белошапкина 1975; Старовойтова 2006].

В рамках микрополя в качестве грамматического экспликатора значения *(не) иметь возможность выполнить действие* выделяются сложноподчиненные предложения цели, модальная семантика которых выявляется из содержания их главной и придаточной частей: «в главной части называется действие, выполнение которого является обязательным условием для появления возможности (или, напротив, невозможности) осуществления другого действия, указанного в придаточной части» [Старовойтова 2006: 24]. Данные предложения, частотность функционирования которых составляет 2,3%, употребительны во всех исследуемых функциональных стилях, одинаково в официально-деловых документах они выступают менее регулярно, чем в газетно-публицистических и научных текстах. Ср.: *«Бытовые условия достаточно комфортны: каюты, столовая, кают-компания изначально были с*

*проектированы так, чтобы **обеспечить необходимые условия** для отдыха» (РГ, 20.12.2013) = «чтобы иметь возможность обеспечить условия»; «Думается, что преподаватели сетевого института со временем придут и в российские школы, чтобы **помочь молодому поколению** лучше ориентироваться на рынке финансовых услуг и избежать участия в незаконных финансовых операциях» (РГ, 20.12.2013) = «чтобы иметь возможность помочь молодому поколению»; «Однако для того, чтобы **выявить закономерности**, характерные для рекламы в целом, считаем возможным отнестись к совокупности слоганов как к единому тексту» (Акта 12, с.222) = «чтобы иметь возможность выявить закономерности»; «По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, архив был устроен по последнему слову техники и располагался в особом асбестовом домике, который В. Г. Чертков построил в стороне от жилых домов, чтобы **обезопасить** его в пожарном отношении» (Вестник БФУ No 6, с. 144) = «чтобы иметь возможность обезопасить архив»; «Напротив, пиджин, обслуживающий разные коммуникативные ситуации и, следовательно, значительно расширивший лексикон, усложнивший грамматическую структуру для того, чтобы **передавать** достаточно тонкие оттенки значений как лексических, так и грамматических, принято называть «расширенным пиджином» (РГ, 30.12.2013) = «чтобы была возможность передавать».*

Таким образом, ближнюю периферию микрополя возможности в русском языке формирует широкий набор языковых средств. К ним относятся модальные глаголы, модальные предикативы, глагольно-именные сочетания, отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, инфинитивные предложения, риторический вопрос, сложноподчиненные предложения цели.

Модификатор *уметь* наиболее регулярно выступает в настоящем узуальном времени, употребляясь в прошедшем времени, лексема *уметь* также передает постоянные свойства субъекта. Наиболее регулярно лексема

уметь выступает в газетно-публицистических текстах и довольно редко реализуется в научных текстах.

В отличие от модификатора *уметь*, *суметь* несколько регулярнее употребляется в научных текстах, что связано с более емкой семантикой данного экспликатора.

Языковые элементы *удаваться, осуществиться, завершиться* функционируя преимущественно в газетно-публицистических текстах и, реже, - в научных актуализируют значение субъективной возможности, связанной с преодолением трудностей.

Языковые элементы *возможно и невозможно* передают «объективированный, обезличенный характер» возможности, «причем присутствие субъекта в семантике предложения становится ... «призрачным» [Федорова 2000: 86]. *Возможно* наиболее регулярно реализуется в научных и официально-деловых текстах. *Невозможно* регулярно реализуется во всех функциональных стилях.

Языковые элементы *трудно, тяжело, сложно, легко, просто* наиболее регулярно реализуясь в газетно-публицистических и, реже, – научных текстах.

Модификатор *способен* преимущественно выражает возможность, обусловленную интеллектуальными, физическими или психологическими качествами субъекта, и регулярно реализуется во всех функциональных стилях.

Дальняя периферия рассматриваемого микрополя формируется достаточно пестрым набором языковых средств выражения значения возможности. К числу лексических экспликаторов значения возможности относятся языковые элементы *осмелиться, отважиться, посметь, решиться, рискнуть, дерзнуть, позволять / позволить, допускаться*, глагольно-именные сочетания с лексемами *шанс, полномочия, основание, ум, разум, талант, воля*, глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием

сила воли, отрицательные местоимения *ничего, некого*, местоименные наречия *некуда, незачем, негде, некогда*.

Языковой элемент *осмелиться* - набраться смелости, решимости для какого-либо поступка, *отважиться, посметь*, частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 0,9%, актуализирует значение субъективной возможности *быть в состоянии выполнить действие*.

В аналогичной модальной функции выступают синонимичные ему модификаторы - *отважиться* (0,2%), *посметь* (0,4%), *решиться* (1,1%), *рискнуть* (0,8%), *дерзнуть* (0,1%). Данные модификаторы, реализующиеся главным образом в газетно-публицистических текстах, содержат указание на предпринятую попытку совершения действия, то есть способны выражать совмещенное значение возможности и желательности. Ср.: «Хорошо, если мужчина **отважится** пойти с этой проблемой к психотерапевту!» (АиФ, 22.10.2012); «**Посмею** предположить, что метафоры выписывал не носитель русского языка» (КП, 17.11.2012); «Каждый третий-четвертый россиянин (27 процентов) **не решается** избавиться от старой одежды, белья или обуви» (РГ, 28.12.2012); «**Рискну** предположить, что исполнению подлежат только законные требования прокурора» (АиФ, 27.03.2013); «И, действительно, никто в итоге **не дерзнул** перейти дорогу вспыльчивому монарху» (КП, 12.12.2012).

Модификаторы *допускаться, позволяться, разрешаться, быть принятым* зафиксирован с частотностью 0,8 % в официально-деловых текстах при реализации частного значения объективной возможности *иметь право для выполнения действия*. При этом данный языковой элемент употребляется преимущественно в сочетаниях с девербативом, что, возможно, объясняется частотным употреблением отглагольных существительных в официально-деловых документах. Ср.: «**Не допускается** заготовка древесины по истечении разрешенного срока, а также заготовка древесины после приостановления или прекращения права пользования» (РГ,

20.01.2012); «В рамках отношений, указанных в части 1 статьи 1 настоящего Федерального закона, **допускается** обмен электронными документами (...) между участниками контрактной системы в сфере закупок» (РГ, 12.04.2013).

Модификатор *позволять (позволить)* дать возможность что-либо сделать (делать), частотность функционирования которого составляет 0,6 %, реализующий в сочетании с зависимым инфинитивом значение объективной возможности *иметь возможность выполнить действие*, зафиксирован в текстах всех функциональных стилей. Ср.: «По словам нашего источника, террористы ставят задачу достичь максимально возможного резонанса, который **позволит** не только привлечь в ряды незаконных вооружённых формирований новых членов, но и претендовать на более серьезное финансирование из-за границы» (АиФ, 22.08.2012); «Если передаточный акт **не позволяет** определить правопреемника по обязательству юридического лица, (...) реорганизованное юридическое лицо и юридические лица несут солидарную ответственность по такому обязательству» (РГ, 05.05.2014).

Языковые элементы с существительными *шанс (0,5%), полномочия (0,3%), основание (0,5%)* реализуют значение объективной возможности, при этом в семантике названных существительных содержится указание на наличие определенных объективных обстоятельств, способствующих или препятствующих осуществлению действия. Как показал фактический материал, языковые элементы с существительными *полномочия* и *основания* довольно регулярно употребляются в официально-деловых документах и представляют своего рода словесные трафареты. «Инспекции имеют **полномочия** запрашивать документы, не только Устав, но все учредительные документы, протоколы собрания, проверять правильно-неправильно» (РГ, 10.01.2013); «Обеспечение уплаты таможенных пошлин, налогов не предоставляется в случаях, установленных международными договорами (...), а также в случае, если таможенный орган имеет **основания** полагать, что обязательства, взятые перед ним, будут выполнены» (РГ,

29.11.2010). Языковые элементы с существительным *шанс* зафиксированы в газетно-публицистических текстах. Ср.: «У нас есть **шанс** улучшить жизнь не миллионов, а миллиардов людей на нашей планете» (КП, 02.04.2013).

Языковые элементы с существительными *ум* (0,3%), *разум* (0,2%), *талант* (0,2%) способны реализовывать значение субъективной возможности, которая связана с умственными способностями субъекта, и зафиксирована в газетно-публицистических текстах. Например: «Вот у певца Тимати **талант** искать себе партнеров!» (КП, 26.02.2011); «Впрочем, у меня хватило **ума** не сказать Тине об этом именно в таких словах. Просто позвонил наудачу, объяснил ситуацию» (КП, 01.12.2010); «Кому-то хватает **разума** разойтись по-хорошему, а кто-то добирается-таки до высшей точки кипения, когда в ход идут уже просто животные инстинкты» (АиФ, 16.01.2013).

Языковые элементы с существительным *воля* (0,3%) выражают совмещенное значение возможности и желательности с акцентом на активность субъекта действия, поскольку воля, как полагает Ю.Д. Апресян, «ассоциируется с твердостью, натиском, непреклонностью, может быть, даже агрессивностью» и является «инициатором деятельности человека» [Апресян 1995: 472], а «тесная взаимосвязь воли и желания, представляющая собой специфический сложный фрагмент психической жизни человека, в естественном языке выявляется на уровне семантики этих слов» [Колобкова 1995: 176] Ср.: «Если бы тогда хватило **воли** подавить протест, у нас сегодня была бы другая ситуация» (РГ, 23.12.2011); «Не тут-то было: количество аварий начало стремительно расти: наши люди могут выпить две бутылки водки, но остановиться после 50-и грамм - **воли** не хватает (АиФ, 25.07.2012);

Особенно отчетливо указанная модальная семантика реализуется в языковых элементах с устойчивым сочетанием *сила воли* (0,4 %). Ср.: «Я уверен, что те из вас, у кого хватит **силы воли** биться за свой бизнес, станут и успешными, и богатыми» (РГ, 28.04.2011); «В отпуске начинали

позволять себе много всего: мол, ничего страшного, потом наберу форму. Но форма теряется, силы воли ее набрать уже нет» (АиФ, 16.10.2013).

Модификаторы *ничего, некого, некуда, негде, некогда*, зафиксированные с частотностью 0,5% в газетно-публицистических текстах, актуализируют частное модальное значение *не иметь возможности выполнить действие*, функционально сближаясь в этом случае с языковым элементом *невозможно*. Ср.: *«Учить становится некогда и некому - ставки педагогов в системе профобразования сегодня вдвое меньше, чем у их коллег из общеобразовательных школ»* (РГ, 24.04.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия субъекта и объекта»; *«Мне ничего сказать. Я хороший человек, прошу отпустить меня под залог»* (АиФ, 28.11.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия объекта»; *«Но выезжать из района все равно придется часто - пойти на территории Выхина действительно некуда»* (АиФ, 20.11.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия места»; *«Моя бабушка работала уборщицей в конторе, в школе, потому что в ее деревне больше негде было работать»* (АиФ, 19.10.2012) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия места»; *«В конце смены голова идет кругом, некогда даже чай попить»* (КП, 15.02.2011) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия времени».

В числе грамматических конstituентов дальней периферии микрополя возможности зафиксированы немногочисленные примеры употреблений побудительных конструкций (0,6%) в значении *иметь возможность выполнить действие*, реализуемом ими в газетно-публицистических текстах. Например: *«Родил второго ребенка - получай кредитные каникулы на три года»* (КП, 11.06.2012) = «имеешь возможность получить»; *«Сын сразу Алавердыеву сказал: «Тебе она нужна - забирай!»* (КП, 18.05.2008) = «имеешь возможность забрать»; *«Спрашивай о чем угодно – о творчестве или закулисной жизни музыкантов»* (КП, 02.06.2008) = «есть возможность спросить».

Таким образом, дальняя периферия ФСП возможности формируется достаточно пестрым набором языковых средств выражения значения возможности: модальные глаголы, глагольно-именные сочетания с различными языковыми средствами, глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием *сила воли*, отрицательные местоимения, местоименные наречия.

Языковые элементы *осмелиться, отважиться, посметь* реализуются главным образом в газетно-публицистических текстах, содержат указание на предпринятую попытку совершения действия, то есть способны выражать совмещенное значение возможности и желательности.

Языковые элементы *допускаться, позволяться, разрешаться* употребляются преимущественно в сочетаниях с девербативом, что, возможно, объясняется частотным употреблением отглагольных существительных в официально-деловых документах. Лексема *позволять* зафиксирована в текстах всех функциональных стилей.

Как показал анализ языкового материала, языковые элементы с существительными *полномочия* и *основания* довольно регулярно употребляются в официально-деловых документах и представляют своего рода словесные трафареты. Языковые элементы с существительным *шанс, ум, талант*, зафиксированы в газетно-публицистических текстах.

Модификаторы *ничего, некого, некуда, негде, некогда* актуализируют частное модальное значение *не иметь возможности выполнить действие*, функционально сближаясь в этом случае с языковым элементом *невозможно*.

Грамматические конститuentы, не имеющие собственного морфологического ядра, реализуют модальное значение возможности недискретно, выявляя его лишь в определенных контекстуальных условиях, что служит основанием для отнесения данной группы средств выражения значения возможности к периферийному слою в структуре описываемого модального микрополя.

1.2. Стилистическое своеобразие языковых средств реализации смысла «возможность» в методическом аспекте

Семантика возможности в русском языке выражается различными средствами, принадлежащими к разным уровням языка: синтаксическому, морфологическому и лексическому.

В аспекте преподавания можно рассмотреть, как реализуется в тексте значение возможности с помощью различных языковых средств. Так, например, при анализе текстов официально-делового стиля, чтобы подчеркнуть нейтральность, отсутствие эмоциональности, полноту и точность формулировки мы рассматриваем лексему *мочь* в значении (не) иметь право выполнить действие: «*«Право на защиту несовершеннолетние **могут** осуществлять лично, а также с помощью защитника, законного представителя»* (РГ, 11.02.2011). Официально-деловой текст содержит преимущественно материалы об общих нормах поведения, рекомендациях, запретах, поэтому реализация лексемой *мочь* данного частного значения представляется вполне логичным.

В аспекте преподавания небезынтересным будет отметить широкое употребление безличных предложений в научном стиле, поскольку отсутствие «внешней реализации компонента - исполнитель потенциального действия» позволяет автору научного текста отстраниться от своего текста, «чтобы придать больший вес сообщению, объективизировать его» [Валгина 2003: 103]. «*В Интернете широко представлена такая продуктивная модель пародирования рекламных стереотипов, как антиреклама (ее, пожалуй, **можно** считать особым жанром современного фольклорного дискурса)*» (Аста 11, с.276). Языковой элемент *можно* сохраняет свое значение потенциальности, возможности осуществления действия.

Интересными для рассмотрения на уроках русского языка являются и языковые элементы ближней периферии возможности: *удаваться/удаться*, *осуществиться*, *завершиться удачно, успешно*; *представиться*, *оказаться возможным*, которые актуализируют значение субъективной возможности,

связанной с преодолением трудностей. *«Проезд по федеральной автодороге «Колыма» на территории Якутии восстановит пока не удастся, поскольку уровень воды в разрушивших ее реках остается очень высоким»* (РГ, 17.06.2013). В данном примере указание на наличие определенных трудностей при осуществлении действия содержится в самом высказывании-предложении.

Особый интерес для рассмотрения представляют предложения с глаголом совершенного вида в форме 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения. *«Служишь добросовестно, **имеешь** хорошие профессиональные навыки и перспективу карьерного роста, значит, **сохранишь** место в строю. **Не отвечаешь** этим требованиям, – **снимешь** погоны»* (РГ, 20.12.2013). Подобные конструкции характерны как для разговорного, так и для газетно-публицистического стиля, которому свойственна экспрессивность.

Достаточно широко в рассматриваемом микрополе употребляются языковые элементы с лексемой *право*: *иметь право, получить право, дать право* и т.п. Выражая частное значение объективной возможности (*не*) *иметь право для выполнения действия*, детерминированного юридическими законами, данные модификаторы преимущественно реализуются в официально-деловых документах. Например: *«В местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (...), эти лица **имеют право** бесплатно осуществлять заготовку древесины для собственных нужд»* (РГ, 20.01.2012).

Примером дальней периферии возможности, рассматриваемой на уроках русского языка, может послужить языковой элемент *осмелиться* (набраться смелости, решимости для какого-либо поступка), *отважиться, посметь*, который актуализирует значение субъективной возможности *быть в состоянии выполнить действие*. *«Педиатров одной из поликлиник Ржева в ближайшее время ждёт суд за то, что **осмелились** поддержать*

ижевских коллег» (АиФ, 22.05.2013). Данные модификаторы, содержат указание на предпринятую попытку совершения действия, то есть способны выражать совмещенное значение возможности и желательности, реализующиеся главным образом в газетно-публицистических текстах.

Таким образом, функционально-семантический анализ поля возможности ситуативной модальности при ее реализации в художественных текстах и современных газетно-публицистических и официально-деловых текстах русского языка позволяет сделать ряд обобщений и выводов.

План выражения ситуативной модальности в современном русском языке имеет типологическую основу, обусловленную универсальным характером функционально-семантической категории модальности.

В текстах художественных произведений и современных газетно-публицистических и официально-деловых текстах план выражения модальности возможности/невозможности представлен системой разноуровневых средств организованных по полювому принципу типа «центр - периферия». При этом общим для микрополей модальности возможности/невозможности в текстах является то, что ядерную, центральную зону и значительную часть периферии занимают лексические модификаторы (модальные глаголы и предикативы), функционирующие в составе специализированных сочетаний с зависимым субъектным инфинитивом.

Так, ядерную часть рассматриваемого ФСП занимают собственно модальные лексические конститuentы, характеризующиеся модальной емкостью, стилистической немаркированностью и высокой степенью частотности функционирования в текстах всех рассмотренных функциональных стилей. В микрополе возможности/невозможности это модальные глаголы *мочь, смочь, суметь*, предикативные прилагательные *способен, готов*.

Периферийную зону микрополей также формируют преимущественно лексические модификаторы глаголы *уметь*, предикативы *разрешено* и

глагольно-именные сочетания *иметь возможность* актуализирующие, как правило, определенные частные значения возможности.

Проведенный анализ показал, что план содержания ФСП возможности, представленный широким комплексом частных модальных значений, находит адекватное отражение в плане выражения, эксплицируясь посредством лексических и грамматических модификаторов.

Экспликация модальных значений обеспечивается наиболее широким набором конstituентов в газетно-публицистических и художественных текстах, для которых свойственно разнообразие лексического материала и отсутствие стилистических ограничений.

В текстах газетно-публицистического стиля наибольшей продуктивностью характеризуются экспликаторы частных значений *(не) иметь возможность выполнить действие*.

В научных текстах наиболее регулярно реализуются экспликаторы, актуализирующие значения *(не) иметь возможность выполнить действие* (в связи с наличием объективных обстоятельств).

В русских официально-деловых документах наибольшей продуктивностью характеризуются экспликаторы частных значений *(не) иметь право для выполнения действия* вынужденность, связанная с обязательностью выполнения общепринятых законов, что обусловлено тематической направленностью данных документов, содержащих материалы об общих нормах поведения, рекомендациях и запретах т.п.

Проведенный анализ подтвердил отмечаемую исследователями такую существенную особенность функционально-семантического поля ситуативной модальности, как взаимопроникаемость его микрополей.

Таким свойством межполевой «миграционной активности» характеризуются некоторые модификаторы центральной зоны (например, глагол *мочь* и периферийные лексические конstituенты прилагательное *готов*, глаголы *удаваться/удаться*).

К важным индивидуальным особенностям микрополей ситуативной модальности относится различие в функционировании имплицитных (невербальных) средств, способных актуализировать модальную семантику ситуации.

Так, анализ показал, что имплицитные (безмодификаторные) средства выражения модальности: отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, конструкции с независимым инфинитивом, риторические вопросы и др. - характерны для реализации значений ситуативной модальности. Но случаи имплицитного способа выражения указанных значений в текстах художественных произведений и современных газетно-публицистических и официально-деловых текстах немногочисленны и зафиксированы в основном при реализации модального значения невозможности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория модальности существует в любом языке, выражая отношение содержания высказывания к окружающей действительности (объективная модальность) и отношение говорящего к содержанию своего высказывания (субъективная модальность). Ярко выраженная субъективность, характеризующая данную категорию, является отличительной чертой лингвистической модальности. Объективная и субъективная модальность образуют целостную характеристику предложения, и именно субъективная модальность выражает языковыми средствами оценку в отношении содержания высказывания с точки зрения говорящего, которая содержится в значениях возможности-необходимости.

Язык обладает целым арсеналом языковых единиц, который очень богат, разнообразен и придаёт речи особую яркость, выразительность и индивидуальность. Язык постоянно обогащается новыми, более актуальными модальными компонентами. Данные единицы позволяют говорящему

установить взаимосвязь между ним и слушающим, реагировать на процесс общения.

Субъективная модальность по своему значению и средствам выражения разнообразнее модальности объективной.

Русский язык обладает многообразными средствами, способами выражать разнообразные оттенки отношения говорящего к высказываемому. К ним относятся: интонация, синтаксические конструкции, повторы, суффиксы субъективной оценки, междометия, модальные слова, словосочетания, частицы, некоторые модальные глаголы, предикативы и союзы, а также комбинации этих средств.

План выражения значения возможности в современном русском языке имеет типологическую основу, обусловленную универсальным характером функционально-семантической категории модальности.

В современном русском языке план выражения модального микрополя возможности представлен системой разноуровневых средств, организованных по полювому принципу типа «центр – периферия». При этом центральное положение в структуре микрополя занимает группа специализированных модальных модификаторов (модальных глаголов и предикативов в сочетании с зависимым субъектным инфинитивом), сгруппированных на основе близости их функциональных признаков к доминанте модального микрополя возможности – глаголу *мочь*.

Языковой элемент *мочь*, реализующийся как в утвердительной, так и в отрицательной форме, будучи самым емким и семантически прозрачным экспликатором значения возможности, занимает центральное место в группе собственно модальных модификаторов. Другие собственно модальные модификаторы (*уметь*, *сметь*), в силу совмещения в их семантическом комплексе модального значения и отчетливо выраженного собственного лексического значения, служат для регулярной экспликации лишь частных значений субъективной возможности

Отмечается более низкая активность функционирования модальных модификаторов *можно* и *нельзя* по сравнению с модальными глаголами, что можно объяснить их модальной специализацией, связанной с преимущественной реализацией значения объективной возможности.

Характерной чертой средств выражения субъективно-модальных значений является то, что, несмотря на их этимологическое разнообразие, все они могут быть сведены по общей их функции в единую систему выражения модальности.

Языковые средства выражения субъективно-модальных значений могут сближаться по семантике и выражать одни и те же значения, то есть могут быть синонимичны. Например, акцентирование передается синтаксическими конструкциями, повторами, модальными словами, словопорядком, интонацией, волеизъявление - модальными частицами и некоторыми междометиями и т.д.

Различия в способах выражения категории модальности отчасти связаны с внутренними различиями в самих ее синтаксико-семантических функциях, в ее функционально-семантическом существе. Факты действительности и их связи, являясь содержанием высказывания, могут мыслиться говорящим как реальность и достоверность, как возможность или желательность, как долженствование или необходимость.

Перспективой данного исследования является исследование средств выражения возможности в различных стилях русской языковой системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**I. Теоретические работы:**

1. Адамец, П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности [Текст] / П.Адамец // Ceskoslovenska rusistika. - 1968. - 13. - №2. - 194 с.
2. Адмони, В.Г. О модальности предложения [Текст] / В.Г.Адмони // Уч. зап. ЛГПИ, Фак. иностр. языков. - Т.21. -Вып.1. - 1956. - 562 с.
3. Алисова, Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума [Текст] / Т.Б.Алисова // Вопросы языкознания. - 1971. - №1. - 42 с.
4. Апресян, Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - 472 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н.Д.Арутюнова // Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 235 с.
6. Аскоченская, В. Ф. Семантико-синтаксические функции и синонимы модальных и фазовых конструкций с зависимым инфинитивом (На материале польского, русского и украинского языков) [Текст] / В.Ф.Аскоченская // Автореф. дис. канд. филол. наук. - Воронеж, 1998. - 167с.
7. Бабайцева, В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке [Текст] / В.В.Бабайцева. - М.: Дрофа, 2004. - 540 с.
8. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В.В.Бабайцева. - М.: Дрофа, 2000. - 311 с.
9. Барентсен, А. О русских глаголах смочь и суметь [Текст] / А.Барентсен // Основные проблемы русской аспектологии. - 2002. - С. 7 - 29.
10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М.Бахтин. - М.:Наука, 1979. - 424 с.
11. Беличова-Кржижкова, Е. О модальности предложения в русском языке [Текст] / Е.Беличова-Кржижкова // Актуальные проблемы русского синтаксиса. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - С. 49-77.

12. Белошапкова, В. А. О модальности сложного предложения [Текст] / В.А.Белошапкова // Русский язык: сб. науч. тр. - М., 1975. - С. 44 - 52.
13. Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках [Текст] / Е.И.Беляева. – Воронеж. Воронеж, 1990. – С.214 - 229.
14. Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках [Текст] / Е.И.Беляева. - Воронеж, 1985. – С.174 - 179.
15. Бирюлин, Л.А. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе [Текст] / Л.А.Бирюлин // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. - М.: Наука, 1993. - С.67-72.
16. Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке [Текст] / В.Н.Бондаренко // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1979. - №2. - 351 с.
17. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст [Текст] / А.В.Бондарко - Л.: Наука, 1971. - 116с.
18. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий [Текст] / А.В.Бондарко - Л.: Наука, 1976. - 255 с.
19. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В.Бондарко. - Л.: Наука, 1984. - 548с.
20. Буглак, С.И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого [Текст] / С.И.Буглак // Русский язык в школе. - 1990. - №2. - 145 с.
21. Валгина, Н.С. Теория текста [Текст] / Н.С.Валгина. - М., Высш. шк., 2003. - С. 96 - 104.
22. Васильев, Л.М. Модальные слова в их отношении к структуре предложения [Текст] / Л.М.Васильев // Ученые записки Башкирск. ун-та. - 1973. - С. 55 - 60.

23. Васильева, А.Н. Практическая стилистика русского языка [Текст] / А.Н.Васильева. - М.: Русский язык, 1981. - 190 с.
24. Ваулина, С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) [Текст] / С.С.Ваулина. - Калининград, 1993. - 70 с.
25. Ваулина, С.С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений [Текст] / С.С.Ваулина // Оценки и ценности в современном научном познании. - Калининград, 2006. - С. 3-20.
26. Ваулина, С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI - XVII вв.) [Текст] / С.С.Ваулина. - Л.: Изд. ЛГУ, 1988. – С.91 – 94, С.279 – 328.
27. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А.Вежбицкая. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 45с.
28. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В.В.Виноградов // Труды Института русского языка. - М.: Языки русской культуры, 1950. - С. 38 -79.
29. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов //Труды института русского языка. - Т.2. - М.-Л.: АН СССР, 1950. - 356 с.
30. Вольф, Е. М. Субъективная модальность и пропозиция // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.,1987. С. 35-37.
31. Вольф, Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции [Текст] / Е.М. Вольф // Прагматика и проблемы интенциональности. - М.: АН СССР, 1988. - 441 с.
32. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса [Текст] / М.В.Всеволодова // Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. - 2000. - 344с.
33. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация [Текст] / В.Г.Гак // Проблемы структурной лингвистики. - М.: Наука, 1973. - 217 с.

34. Гак, В.Г. О категориях модуса предложения [Текст] / В.Г.Гак // Предложение и текст в семантическом аспекте. - Калинин, 1978. - 443 с.
35. Гоголина, Т. В. Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке [Текст] / Т.В.Гоголина. - Екатеринбург, 2000. – С.124 - 132.
36. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В.Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1984. - 444 с.
37. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры [Текст] / В.Гумбольдт - М.:Прогресс, 1985. - 388 с.
38. Дешериева, Т.И. О соотношении модальности и предикативности [Текст]/ Т.И.Дешериева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1987. - №1. - 577 с.
39. Зайченко, Н.Д. Прагматический потенциал категории модальности [Текст] / Н.Д.Зайченко. - Хабаровск: Изд. ХГПУ, 1997. - 215 с.
40. Зайнуллин, М. В. Модальность как функционально-семантическая категория [Текст] / М.В.Зайнуллин. - Саратов, 1986. - 488 с.
41. Зарецкий, Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) [Текст] / Е.В.Зарецкий. - Астрахань, 2008. - 564 с.
42. Зеленщиков, А.В. Пропозиция и модальность [Текст] / А.В.Зеленщиков. - СПб: Изд. С.-Петербур. Ун-та, 1997. - 331 с.
43. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г.А.Золотова. - М., 1982. - 321с.
44. Карнап, Р. Значение и необходимость [Текст] / Р. Карнап // Исследование по семантике и модальной логике. Пер. с англ. Н. В.Воробьева. - Биробиджан, 2000. - 57с.
45. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н.Караулов. - М.: Наука, 1987. - 299 с.

46. Колобкова, Л.В. Средства выражения модального значения волеизъявления в русском языке XVII –начала XVIII вв. [Текст] / Л.В.Колобкова. - Тверь, 1995. - 176 с.
47. Колшанский, Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности [Текст] / Г.В.Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. - 322с.
48. Кормилицына, М.А. Многофункциональность конструкций субъективной модальности в аналитических текстах современной прессы [Текст] / М.А.Кормилицына // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта. - 2008. - С.151 - 161.
49. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е.С.Кубрякова. - М.: Наука, 1986. - 344 с.
50. Курилина, И.И. Инфинитивное предложение в деловом языке: сравнительно-сопоставительный аспект (на материале документов XVIII и XX–XXI веков) [Текст] / И.И.Курилина. - Челябинск, 2013. - С. 118 - 119.
51. Кушнерук, С.П. Документная лингвистика (русский деловой текст) [Текст] / С.П.Кушнерук // Учебное пособие. - Волгоград, 1999. - 96 с.
52. Лекант, П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения [Текст] / П.А.Лекант // Современный русский язык. Лингвистический сборник. - Вып. 6. - М.: Изд. МОПИ, 1976. - 336 с.
53. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории [Текст] / Т.П.Ломтев - М.: Изд. МГУ, 1972. - 477 с.
54. Маковка, Н. М. Категории возможность и действительность [Текст] / Н.М.Маковка. - Краснодар, 1972. - 266 с.
55. Мецлер, А.А. О лингвистическом статусе категории модальности [Текст]/ А.А.Мецлер. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1982. - №4. - 333с.
56. Нагорный, И.А. Семантика частиц *едва ли, вряд ли* [Текст] / И.А.Нагорный // Русский язык в школе. - 1993. - №2. – 511 с.

57. Нагорный, И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц [Текст] / И.А.Нагорный. - Барнаул: Изд. БГПУ, 2000. – 331 с.
58. Нагорный, И.А. Выражение предикативности в предложениях с модально персуазивными частицами [Текст] / И.А.Нагорный. - Барнаул: Изд. БГПУ, 1998. -131 с.
59. Нагорный, И.А. Функциональная перспектива предложений с модально персуазивными частицами [Текст] / И.А.Нагорный. - Барнаул: Изд. БГПУ, 2001. -126 с.
60. Небыкова, С.И. Модальность предложения с зависимым инфинитивом (значения возможности и необходимости) [Текст] / С.И.Небыкова - М., 1981. - 242с.
61. Немец, Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке [Текст] / Г.П.Немец. - Ростов-на-Дону: Изд. Рост. ун-та, 1989. – 343с.
62. Островерхая, И.В. Средства выражения модального значения возможности в романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина» (функционально-семантический аспект) [Текст] / И.В.Островерхая. - Калининград, 2004. – С.201 - 209
63. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: (Референцальные аспекты семантики местоимений) [Текст] / Е.В.Падучева - М.: Наука, 1985. - 271 с.
64. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка) [Текст] / Е.В.Падучева - М.: Наука, 1974. - 292с.
65. Петров, Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности [Текст] / Н.Е.Петров. - Новосибирск: Наука, 1982. - С.56 - 61с.
66. Подручная, Л. Ю. Художественная функция модального модификатора *сметь* в русской народной сказке [Текст] / Л.Ю.Подручная // Семантические процессы в языке и речи: сб. науч. тр. аспирантов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 107 – 115.

67. Подручная, Л.Ю. Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора [Текст] / Л.Ю.Подручная. - Калининград, 2010. - 207 с.
68. Попова, В.П. Средства выражения модального значения «волеизъявления» в английском и русском языках (сопоставительный аспект) [Текст] / В.П.Попова. - Краснодар, 2000. - 656с.
69. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А.А.Потебня. - Киев: СИНТО, 1993. - 498с.
70. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А.Потебня - М.: Учпедгиз, 1958. - 536 с.
71. Рагозина, Е.В. Модальность вопросительных предложений в современном русском языке [Текст] / Е.В. Рагозина. - Калининград, 2008. - С.108 - 119 .
72. Распопов, И.П. Заметки о синтаксической модальности и модальной классификации предложения [Текст] / И.П.Распопов // Синтаксис и интонация. Вып. 2. Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та. - 1957. С.3-10.
73. Романова, Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе [Текст] /Т.В.Романова – М., 2004. - 298с.
74. Романова, Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность [Текст] / Т.В.Романова. - Нижний Новгород: Изд. НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. - С.309 - 405.
75. Рыболовлев, Н.Р. Средства выражения модальных значений в русском и польском языках: (На примере модальности недоверности и предметной модальности) [Текст] / Н.Р.Рыболовлев - М., 1989. - 23 с.
76. Сологуб, О.П. Официально-деловая коммуникация: сущность, внутреннее устройство, принципы функционирования [Текст] / О.П.Сологуб // Университетская филология - образованию: регулятивная природа коммуникации. Ч.1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. - С. 224–228.

77. Старовойтова, Н.В. Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII–первой четверти XVIII века [Текст] / Н.В.Старовойтова. - Калининград, 2006. - 24 с.
78. Трунова, О.В. Природа и языковой статус категории модальности [Текст]/ О.В.Трунова. - Барнаул, 1991. - 130 с.
79. Федорова, И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет) [Текст] / И.Р. Федорова. - Калининград, 2000. – С. 84 -95.
80. Фреге, Г. Избранные работы [Текст] / Г.Фреге - М., 1997. - 449с.
81. Хрычиков, Б.В. Категория модальности, ее объем и средства выражения в современном русском языке [Текст] / Б.В.Хрычиков. - Днепропетровск, 1986. - 387с.
82. Чернова, С.В. Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель «замысел - осуществление замысла» [Текст] / С.В.Чернова. - Киров: Изд. ВГПУ, 1982. – 57с.
83. Чибук, А.В. Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках: сопоставительный аспект [Текст] / А.В.Чибук. - Екатеринбург, 2004. - 217с.
84. Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова [Текст] / И.Б. Шатуновский - М.: Языки русской культуры, 1996. - 298 с.
85. Шмелева, Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности [Текст] / Т.В.Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. - М.: Изд. МГУ, 1984. - 460с.
86. Шведова, Н.Ю. Активные процессы в современном русском языке (словосочетание) [Текст] / Н.Ю.Шведова - М.: Наука, 1966. - 155 с.
87. Шведова, Н.Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы предложения» [Текст] / Н.Ю.Шведова // Мысли о современном русском языке. - М., 1969. - С. 67-80.
88. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л.В.Щерба. - М., 1957. - С.321 - 329.

89. Яковлева, Е.С. Фрагменты языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. - М.: Языки русской культуры, 1994. - 374 с.

II. Список использованных словарей:

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. [Электронный ресурс] / Даль, В.И. - М.: Рус. яз., 1989. – Режим доступа: Словари русского языка, [http:// www.slovari.ru](http://www.slovari.ru)
2. Золотова, Г.А. Синтаксический словарь [Текст] / Г.А.Золотова // Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. - М., 1988.
3. Морковкин, В.В. Большой универсальный словарь русского языка [Текст] / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. - АСТ-Пресс, 2017.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1999.
5. Ушаков, Д. Н. Орфографический словарь русского языка [Текст] / Д.Н.Ушаков - М.: Учпедгиз, 1937.

III. Список источников:

1. Аксенов, В.П. Рассказы. Повести [Текст] / В.П.Аксенов. - Издательство «У-Фактория», 1999.- 768 с.
2. Акунин, Б. Левиафан [Текст] / Б. Акунин. – М: «Захаров», 1998. – 197с.
3. Андреева, В. Прививка от бешенства [Текст] / В.Андреева. – М: АСТ, Астрель, 2007.
4. Булгаков, М.А. Собрание сочинений: Т.5. [Текст] / М.А.Булгаков. - М: Художественная литература, 1990. - 733с.
5. Булычев, К. Сборник рассказов [Текст] / К.Булычев. - М: Детская литература, 1999.
6. Бунин, И.А. Избранное: Повести, рассказы [Текст] / И.А.Бунин. Свердловск: - Урал. кн. изд-во, 1986.- 496с.

7. Варламов, А. Купол [Текст] / А.Варламов. - Издательский дом: Журнал «Октябрь» № 3,4. – 1997.
8. Гоголь, Н.В. Мертвые души [Текст] / Н.В.Гоголь. – М: ЭКСМО, 2009. - 541с.
9. Грекова, И. Перелом. На испытаниях: Повести, рассказы [Текст] / И.Грекова. - М: Сов.писатель, 1990. - С.103-240.
10. Донцова, Д. Али-Баба и сорок разбойниц [Текст] / Д.Донцова. – М:Эксмо, 2004.
11. Достоевский, Ф.М. Бесы [Текст] / Ф.М.Достоевский. – М: Азбука-классика, 2008. – 342с.
12. Ефремов, И.А. Сердце змеи [Текст] / И.А. Ефремов. – М: Детская литература, 1970. – 34с.
13. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени [Текст] / М.Ю.Лермонтов. – М:Азбука-Классика, 2004. – 346с.
14. Лесков, Н.С. Повести и рассказы [Текст] / Н.С. Лесков. – М: АСТ, Астрель, 2006.
15. Маканин, В. Отставший. Повести и рассказы [Текст] / В.Маканин. – М:Художественная литература, 1988. – 341с.
16. Маринина, А. Шестерки умирают первыми [Текст] / А.Маринина. – М:ЭКСМО, 1995.
17. Масс, А.В. Повести и рассказы [Текст] / А.В.Масс. – М: Детская литература, 1975.
18. Ободовская, И.М. Вокруг Пушкина [Текст] / И.М.Ободовская. – М:Советская Россия, 1975. – 146с.
19. Пастернак, Б.Л. Повести [Текст] / Б.Л. Пастернак. – М: Эксмо, 2012.
20. Платонов, А.М. Котлован [Текст] / А.М.Платонов. - М: АСТ «Астрель», 2004. – С.268 – 281.
21. Полянская, И.Н. Прохождение тени. Роман. Рассказы [Текст] / И.Н.Полянская. – М: Вагриус, 1999.

22. Пришвин, М.А. Кладовая солнца [Текст] /М.А.Пришвин. - М: АСТ «Астрель», 2004. – С.268 – 281.
23. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в шести томах. Том 4. [Текст] / А.С.Пушкин. - М.: «Правда», 1969. – 675с.
24. Солженицын, А.И. Матренин двор [Текст] / А.И.Солженицын. – М: АСТ «Астрель», 2004. – 32с.
25. Стругацкий, А.Н., Стругацкий, Б.Н. Трудно быть Богом [Текст] / А.Н.Стругацкий, Б.Н.Стругацкий. – М: Сталкер, 1964.
26. Толстая, Т. На золотом крыльце сидели. Рассказы [Текст] / Т.Толстая. – М: Эксмо, 2012.
27. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. [Текст] / Л.Н.Толстой - М.: Просвещение, 1981.
28. Хмелевская, И. Бесконечная шайка [Текст] / И.Хмелевская. – Издательство: АСТ, 2008. – 54с.
29. Чехов, А.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6. Рассказы, повести, статьи. М.: Правда, 1985.-350 с.
30. Шульпин, Г.П. Эта увлекательная химия [Текст] / Г.П.Шульпин. – М:Либроком, 2011. – 154с.
31. Щербакова, Г. Подробности мелких чувств [Текст] / Г.Щербакова. – М:Вагриус, 2000.

IV. Список сокращений:

1. АиФ–Аргументы и факты. Изд. дом «Аргументы и факты».
2. Вестник БФУ № 6–Вестник БФУ им. И. Канта. Выпуск № 6 Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011.
3. ВЯ № 3, 4, 5, 6–Вопросы языкознания. Москва: Наука, 2006.
4. КП - Комсомольская правда. Изд. дом «Комсомольская правда».
5. РГ - Российская газета. Изд. ФГБУ «Редакция «Российской газеты»
6. Acta 11–Acta Polono-Ruthenica XI. Olsztyn: Wyd. UWM, 2006.
7. Acta 12–Acta Polono-Ruthenica XII –Olsztyn: Wyd. UWM, 2007.

